



АЛЕКСАНДРА НАТАРОВА

ГОРОД



Александра Натарова
Город М
Серия «Ковчег (ИД Городец)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64004342

Город М: ИД «Городец»; Москва; 2021

ISBN 978-5-907220-93-5

Аннотация

Город – это не просто набор домов и улиц, это живое существо, о котором нужно заботиться. И занимаются этим не только люди. Во многом им помогают Хранители, на первый взгляд – обычные городские животные: кошки, вороны, даже крысы. Но на самом деле они – волшебные существа, защищающие людей от Теневых – мрачных сущностей, способных свести с ума и питающихся людской агрессией и страхом. Кто из них выиграет битву за город, зависит от Путевода – единственного человека, которого город наделяет особыми способностями. И который может привести в гармонию силы добра и зла. Но что делать, если выбор города пал на двенадцатилетнего ребенка?

Содержание

Предисловие	7
1	10
2	20
3	32
4	44
5	68
6	87
7	98
8	109
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Александра Натарова

Город М

Прицелишься взглядом, сожмешь Пустоту в кулаке.

Бояться не надо, это твой Город бьется в истерике.

Дорогая Венди. Маленький принц

© А. Натарова, 2021

© ИД «Городец», 2021

* * *



Александра Натарева родилась в России, но выросла в Японии, в Токио, что существенно сказалось на творчестве. Писала с детства, в шестнадцать лет выпустила первую книгу – сборник мистических рассказов. В 2007 году окончила факультет журналистики МГУ, долгое время работала

в рекламном агентстве, продолжая писать книги. В 2017 году получила премию «Писатель года» в номинации «Дебют», выпустила второй сборник рассказов «Привет».

«Написать роман с ребенком в качестве главного героя, но так, чтобы было интересно взрослым, – это признак настоящих литературных способностей».

Ольга Славникова

Предисловие

Наша рукотворная среда обитания, мегаполис, иногда кажется нам живой и даже разумной. Не совокупность улиц, зданий, транспорта, но один огромный организм, и мы – его симбиоты. Мегаполис может болеть, хандрить, и это обязательно на нас сказывается. Верно и обратное: наш негатив влияет на город. Стоит только поддаться черным мыслям, как к нам потянутся тени. И кто-то невидимый станет нами питаться...

Хорошая книга-фантазия всегда основана на странных прозрениях, подсказанных нам интуицией. Мы как бы немножко догадываемся о тайне, во всяком случае, ощущаем ее присутствие. И тут приходит писатель и увлекательно рассказывает читателю, что на самом деле кроется за его смутными догадками. Возникает особое, теплое доверие к книге. И герои запоминаются надолго. Становятся не просто образами, но людьми из нашей жизни.

Таков роман молодой писательницы Александры Натаровой «Город М».

По версии Натаровой, в городе М живут тоже-люди, не похожие на нас. Думаете, вороны и голуби – это просто умные птицы, научившиеся жить рядом с человеком? А крысы – просто грызуны? А как насчет бродячих собак? Однажды Женя, подрабатывающая курьером, видит на складе, как де-

вушка, похожая на цыганку, грызет угол картонной посылочной коробки. Нет, ей не показалось. Женя – особенная. Там, где обычный человек наблюдает крысу или кошку, героиня видит людей. Жене предстоит узнать, что сообщества четвероногих и крылатых городских обитателей, имеющих и человеческие обличья, – это организации Хранителей, взявших на себя заботу о здоровье мегаполиса. И что им, как никогда, трудно противостоять Теневым. И что над городом М сгущаются тучи...

Кто ближе всего к «земле» мегаполиса, а стало быть, к его бездомной собачье-кошачье-вороньей живности? Бездомные люди, бомжи. Мы, стандартные горожане, рефлексивно от них отворачиваемся. А между тем это отдельная субкультура, со своей социальной иерархией, технологиями выживания и даже фольклором. Один из героев книги – старик по прозвищу Дерсу, в прошлом интеллигент, ныне бомж-библиотекарь, собирающий книги на помойках. В гараж к Дерсу приходят за книжками не только его товарищи по бездомности, но и жители соседних пятиэтажек, и даже участковый – за томиком Пастернака. Кроме того, Дерсу ведет видеоблог про уличных животных, которых очень любит. Неудивительно, что его судьба и пути Хранителей пересеклись.

Но главный герой этого романа – ребенок. Мальчик Леша, оставшись без матери и без жилья, скитается с пьющим отцом по вокзалам и бомжатникам. Впервые мы видим его,

когда он пытается сделать гроб для отца, умершего ночью: не из досок, а из воображения. Такой же красивый, какой был у мамы. Оказывается, Леша – главный человек для города М. Тот, от кого зависит благополучие и здоровье всего сложного организма. Тот, кто может говорить с домами. Тот, кто остановит Тени. Посильна ли ноша? Что происходит с человеком, если он взрослеет слишком рано и слишком быстро? Мальчик Леша – да, сказочный персонаж. Одновременно он очень настоящий, живой, понятный.

Написать роман с ребенком в качестве главного героя, но так, чтобы было интересно взрослым, – это признак настоящих литературных способностей. Александра Натарова училась у меня в мастерских CWS, и я сразу поняла, что этот автор имеет будущее. Сейчас, представляя читателю первую книгу Александры, я уже уверена в том, что к нам пришел новый писатель, соединяющий сюжет-фантазию с реалистическим психологизмом, сюжетную изобретательность – с артистическим языком.

Ольга Славникова

1

Умирающий день быстро линиял – все вокруг становилось одинаково сизым, только рыжие фонари пытались как-то развеселить окружающий мир. Но это были жалкие попытки. Дома сонно глядели на замученные дождем Улицы, пешеходы с суровыми лицами перепрыгивали огромные лужи, кое-где превратившиеся в моря. Тяжелые волны грязной воды бились о бордюры, новые ливневки не справлялись с таким потоком.

Я оскальзывался на гранитной плитке, с трудом увораживаясь от стремившихся навстречу прохожих. Мои кеды звучно чавкали, насквозь пропитавшись водой, промокшая одежда липла к телу, не давая согреться. Я проклинал погоду, ужасно хотел курить, а еще истекал кровью.

Пешеходы, не слишком занятые своими мыслями, бросали на меня короткие сочувственные взгляды. В другой день я бы позволил себе воспользоваться чужой добросердечностью. Например, разжалобил бы какую-нибудь старушку, чтобы та угостила меня хлебом. Но сейчас надо было спешить, и я спешил как мог. Мешала идти травмированная нога, при каждом шаге отзывавшаяся болевым импульсом такой силы, что он отдавался в висках. Я бы полетел, если бы мог, но отбитые ребра не позволяли.

Город отходил после проливного дождя, дремал, обесси-

ленный, как больной после приступа. А потому даже не пытался облегчить мое путешествие. Силы на дорогу давала только злость. Злился я на дурацкую осень, на свою неуклюжесть, но больше всего – на Бориса.

Почему он вдруг на меня напал?

Я снова и снова прокручивал в голове утренние события, пытаюсь найти хоть какие-то подсказки.

Итак, ранним утром небо не предвещало грозы, было тепло и солнечно. Я вылетел из Театра в чудесном настроении. Вылетел заранее, по пути успел уладить пару мелких дел, на лету подобрал у кафе недокуренную сигарету. К месту встречи прибыл ровно к назначенному времени.

Я прилетел один, посчитал, что нет нужды напрягать своих ребят. Я же должен был встречаться с главой дружественного ордена. Что могло пойти не так?

Все пошло не так.

Встречу с Борисом мне назначили в центре, между Улиц, некогда бывших самыми тихими в центре. Но в последние годы тут открылось множество модных заведений, и жизнь забила ключом. На радость любителям ночных тусовок и к ужасу местных жителей, теперь обивавших пороги разных инстанций, требуя прекратить безобразие.

Борис ждал меня в той части Улицы, где всяких кафе и баров было не так много. Между двух красных Домов, глядевших друг на друга с легким пренебрежением. Узкая дорожка, пролежавшая между ними, упиралась в футбольную

коробку, в это время дня пустую.

Борис тоже пришел один – сидел на узком бортике коробки. Он был мрачен, впрочем, как всегда. Поэтому я не заподозрил неладное. Как обычно, он был одет в любимую изношенную кожанку, надетую поверх толстовки. Капюшон толстовки был натянут на кепку, чтобы та не слетела во время бега, – так он когда-то мне объяснил. Козырек кепки надвинут на левую сторону лица, прикрывая шрам, красовавшийся на месте глаза. Сбитые костяшки торчали над краями карманов старых джинсов.

– Здарова! – крикнул ему я еще на подлете.

– Здравствуй, Каравакс, – коротко кивнул Борис.

– Ну, рассказывай, кто наш новый спаситель?

Шутку Борис не оценил – только скрипнул челюстью, едва заметно косившей вправо.

– Ладно, серьезно. – Я прикурил окурочек сигареты и сделал долгожданную затяжку. – Кто он? – Мои слова заволокло дымом.

Борис почему-то медлил с ответом, и тогда я решил еще пошутить, чтобы как-то разрядить обстановку. Но стоило мне открыть рот, как Борис бросился на меня. Я даже не успел толком осознать, что произошло, как в мои щеки, скулы, подбородок впились когти. Секунда – и он меня подсек. Я грохнулся, больно ударившись спиной, Борис навис надо мной грозной тенью.

– Седовласого мальчишку ты не получишь, – прошипел

он, мельком бросив взгляд куда-то в сторону.

«Что?» Но мысль прервалась резкой болью, – кулаки Бориса забарабанили по моим ребрам. От тяжелых ударов, от смятения, от абсурда происходящего я выпал из реальности. А когда очнулся, понял, что все еще лежу в переулке. Надо мной хмурилось грозное Небо. Я огляделся, чувствуя, как по лицу струится кровь. Бориса нигде не было. Я не мог точно сказать, защищался ли я. Думаю, да – посмотрев на руки, я увидел кровь и ссадины на костяшках. Я перевернулся на живот, отполз с дорожки и улегся на газон у кирпичной стены.

Какое-то время я просто лежал, пытаюсь унять боль, проломившую тело сразу в нескольких местах. Осторожно ощупал бока – вроде ничего не было сломано. Это придало уверенности. Я поднялся и по стенке поплелся прочь из переулка. На середине пути на меня обрушился дождь.

Ситуация выходила пренеприятнейшая.

Борис, конечно, никогда не был подарком. Себе на уме, нелюдимый, хамоватый, короче говоря, на любителя. Но глава ордена кеди, один из самых уважаемых Хранителей – и вдруг предатель? Что-то тут не клеилось.

И теперь обо всем этом мне надо было как-то рассказать Майе, на встречу с которой я так отчаянно опаздывал. Что я мог ей сказать?

Что ее приемный отец спасовал перед лицом общей опасности, исколотил пришедшего на переговоры меня и был та-

ков, не сказав ни слова о том, кого... стоп!

Осознание настигло меня так внезапно, что я остановился прямо посреди дороги.

Идиот. Седовласый! Борис сказал: седовласый мальчишка! Седоволосый ребенок, стало быть. Или я неправильно его понял? Но вряд ли бы он сказал «мальчишка», имея в виду взрослого. Сколько седоволосых детей могло быть в Городе? К счастью, в мирное время – немного. Какая-никакая, а подсказка. Пожалуй, сойдет за хорошую новость, решил я и прибавил шаг.

Приближаясь к месту встречи, я вдруг понял, что безумно волнуюсь. Вдруг Майя не там? Вдруг с ней что-то случилось? В конце концов, это она была организатором утренней встречи, может, и ей досталось? После случившегося я был готов к любым сюрпризам. На дне души закопошились и другие мысли вроде «А вдруг она с ним заодно?», но я тут же прогнал их.

На подходе к скверу я заметил знакомый белый силуэт на скамейке.

Пришла! Значит, обошлось?

Фигурка в белоснежном пальто в свете рыжих фонарей казалась призраком. Деревья вокруг отбрасывали резные тени на ее фарфоровое лицо. Она сидела, сцепив руки в замок, и от нее исходило такое напряжение, что я почти слышал, как мечутся в ее голове многочисленные мысли. Майя не сразу заметила меня, когда я подошел. Я кашлянул, и она вскину-

ла на меня взгляд. Янтарные глаза сканером проехались по мне, и она резко отвернулась.

– С тебя грязь течет, – бросила она куда-то перед собой, но мне прилетело рикошетом, и я невольно начал приглаживаться и отряхиваться.

Майя была только наполовину кеди, а на вторую половину – домашняя. Я был уверен, что именно вторая половина иногда делала ее сущим деспотом.

– Прости. – Я опустился рядом на скамейку. Не слишком близко, чтобы не запачкать.

И тут же почувствовал себя идиотом.

Я не понимал, как это у нее каждый раз получалось. Стоило мне заговорить с Майей, как я тут же будто терял большую часть себя, своего знания, опыта, становился малозначительным и даже нелепым. Потому ли, что Майя – кеди, хоть и наполовину. Но скорее всего из-за того, что Майя – это Майя. Всегда собранная, сосредоточенная, разговаривает всегда – будто отчитывает. И этот ее взгляд. Иногда мне казалось, что он может убить, стоит только Майе этого сильно захотеть.

В то же время ее решимость вдохновляла, всегда будила во мне частенько забываемое желание чего-то прекрасного.

– Ты все провалил, – выдернула она меня из размышлений.

– Провалил? Я? Да из меня чуть душу не выбили!

– Чуть не считается. Ты что-то узнал.

Я не понял, спросила она или утвердила.

– Борис сказал, что новый Путевод – это седой ребенок, – сообщил я.

– Ребенок! – прыснула Майя. – Мало. Жаль, я надеялась, тебе повезет больше. Больше, чем мне.

Майя помолчала.

– В последнее время он почти ничего не рассказывал. Ни мне, ни кому бы то ни было в семье. – Она потерла пальцы, будто стирая невидимую грязь.

– Да ладно? – поднял бровь я.

Не похоже на кеди. Они жили как единое целое – никаких секретов друг от друга, никаких тайн. Борис ввел это правило и сам строго его придерживался. Не зря они называли свой орден семьей.

– Выходит, он в одиночку узнал нечто очень важное, но никому из вас не сказал?

Майя кивнула, все еще не глядя на меня.

– В последнее время он был очень замкнутый. Никто не знает, что с ним случилось. Даже удивительно, что он согласился на встречу. Жаль, что все закончилось так просто.

– С этим я бы поспорил, – усмехнулся я.

Мне даже стало немного обидно: Майя не проявила ко мне никакого сочувствия, а ведь сама отметила, что выгляжу я паршиво. Впрочем, Майя никогда не была особо сентиментальной, во всяком случае, со мной.

– Ну, а если он просто сорвался? – предположил я, что-

бы как-то продолжить утихший разговор. – Все когда-нибудь срываются, работа у вас нервная...

Тут Майя бросила на меня такой уничижительный взгляд, что я немедленно замолчал. И мысленно выругал себя за то, что все-таки ляпнул глупость. Опять повисла пауза. Майя что-то напряженно обдумывала, сжимая ладони до побелевших костяшек. Я не решался перебивать ее мысли.

– Могло быть так, что за вами наблюдали? – вдруг спросила Майя. И замерла, пораженная собственной догадкой. – Что, если так он пытался тебя предупредить?

– Предупредить?

– Да! – Майя вцепилась в меня взглядом, я невольно отполз подальше. – Тогда все логично! Вас могли подслушивать, и он мог об этом знать! Тогда он нашел единственно доступный способ, как сказать тебе хоть что-то!

В эту теорию мне верилось с трудом. Скорее, казалось, что Майя всячески искала отцу оправдания. Но уместно ли это было? Майя будто считала мои сомнения, и взгляд ее снова стал холодным и строгим.

– У тебя есть объяснения получше?

– Я не знаю! – Мирный курс беседы захрустел, как весенний лед на реке. Нужно было срочно исправляться. – Допустим, ты права. Но кто мог подслушивать? Не думаешь же ты, что туда притащились сами... – Я осекся: близился вечер, а о тех, кто был плотно связан с наступающей темнотой, говорить с заходом солнца было как-то неуютно. – Короче

говоря, уж больно хитро! Да и не делали Они ничего подобного никогда, с чего вдруг начинать?

– Без понятия. – Майя опять отвернулась. – Но и у нас никогда так быстро не менялся Путевод. И потом, эта версия – пока лучшее, что у нас есть, не так ли?

Я кивнул, все еще раздумывая над ее словами.

– Ну, в принципе да, нападение – для отвода глаз. В драке легко можно перекинуться парой фраз, чтобы посторонние не услышали. Но опять же, очень уж мудрено. И рискованно! Я ведь мог не услышать, не так понять, побежать сразу жаловаться в Совет, в конце концов...

– Значит, ситуация была очень серьезная. И Борис это понимал. Возможно, это был единственный способ помочь нам, не привлекая Их внимания.

Город отозвался на слова Майи тяжелым вздохом – порыв ветра сорвал с ветвей желтую листву, сноп искр взметнулся в лучах фонарей.

Майя мотнула головой.

– Ладно. – Она спрыгнула со скамейки, легко и грациозно. – Я попробую узнать больше. Если что – дам знать. – Она помолчала. – Как бы то ни было, мы наконец-то узнали, кого искать. Ваша очередь, край, немного поработать.

Майя собралась уходить, но в последний момент обернулась и снова смерила меня взглядом.

– Только будь добр, приведи себя перед этим в порядок. А то как фоци помоечный.

– Еще бы сырником обозвала... – кисло усмехнулся я. – За что ж ты так меня, я ж пострадавшая сторона!

– До уровня той вороны с лисицей тебе, конечно, еще далеко. Но я знаю, что ты можешь лучше, Каравакс! – бросила Майя через плечо и исчезла в бликах вечерней Улицы.

Распивавший на соседней скамейке пиво мужчина ухмылялся – он наблюдал презабавную картину. Ворона и белая кошка с бубенчиком на ошейнике сидели на скамейке и будто общались – кошка мяукала, ворона каркала в ответ. А когда на дне бутылки оставалось совсем немного, он услышал, он готов был поклясться, что услышал, как кошка советует вороне привести себя в порядок. Подоспевший с добавкой собутыльник сперва расхохотался, услышав рассказ приятеля. Но резко перестал смеяться, когда очевидец странных событий решительно отказался от новой порции спиртного.

– Пойду домой, в порядок себя приведу... – пробормотал он и побрел прочь.

2

Сигарета обожгла легкие долгожданным дымным ядом. Я не смог удержаться – закурил прямо в кабинете Линды. И хотя она была против моего курения, сейчас не говорила ни слова.

– Это какая-то нелепица. – Взгляд Линды бегал по столу, сколоченному из старых декораций. Руки не могли найти себе места. То сцеплялись друг с другом, мелодично ударяясь крупными кольцами, то принимались нервно крутить пряди седых волос, выбившихся из сложной прически. – Какая-то чушь. Борис напал на тебя! Наш Борис?

– Понимаю, сам не очень верю. Только болит все уж очень убедительно. – Я выдохнул в воздух еще одно облачко дыма.

Линда провела руками по лицу, испещренному сетью морщин, но не потерявшему привлекательности. Линде было далеко за семьдесят, для краи это было очень много. Я знал этот жест – она на что-то решалась.

– Собрание? – предположил я.

– Собрание, да... – Линда помолчала, будто прислушиваясь, как звучат ее слова. – Да, быстрое. – Она поднялась из-за стола, и принялась мерить шагами маленькую комнату, стены которой тоже были собраны из того, что нашлось за кулисами. – Нужно как можно быстрее проинформировать отряды и выслать всех на поиски.

– Путевода или Бориса? – уточнил я.

– Борисом займутся кеди. Пока так разумнее всего. Мы же займемся Путеводом. Майя права. Это наша работа. – Линда еще немного помолчала. – Ребенок... Небо, Путевод – ребенок! Неужели не было других вариантов?

– Видимо, его предшественник решил, что это охренительная идея, – ответил я, но по реакции Линды понял: это был вопрос не ради ответа. – На заре я с ребятами готов выдвинуться. – Я затушил сигарету в фарфоровой миске, которую обнимала балерина.

– Может, все-таки покажешься фоци? – Линда посмотрела на меня. – Они тебя подлатают, чем плохо?

– Да ерунда, сказал же. На мне и не такое заживало. Помоюсь, дерну кофе – и бодрячком!

Линда неопределенно качнула головой.

– Собрание назначу на четыре утра – у тебя будет немного времени поспать. Надеюсь, хоть с этим ты не станешь спорить?

Линда встала у дальней стены кабинета. Рыцарь, нарисованный на ней, неестественно корчил лицо в попытке изобразить отвагу. Он замахивался кривоватым мечом на дракона, скептически щурившего глаза на своего убийцу. Казалось, оба не в восторге от неловкой ситуации, в которой их навечно запечатлел не слишком умелый художник. Мне картина не нравилась, Линде тоже, но никто из нас не решился бы что-то с этим делать. Это была часть Театральной деко-

рации, часть прошлого Театра, до того, как он уснул. Мы уже и так воспользовались этим прошлым, чтобы устроить себе всяческие удобства – стены, столы, стулья, полки. Проявлять еще большее неуважение никто не хотел.

– И еще нужно узнать, что происходит у... Них. – Линда не была суеверной. Скорее, не считала разумным часто использовать слово, вызывающее у всех не слишком веселую реакцию. – Я поговорю с хундами, узнаю последние сводки.

Я кивнул и покинул ее кабинет, занимавший нишу за кулисами бывшей стены.

Театр был нашим домом. В нем жили далеко не все край, но все бывали тут хотя бы раз – у Линды в кабинете, на Собрании, в гостях у друзей или просто пролетом.

Место силы с голубыми стенами и белыми колоннами, надежно спрятанное среди деревьев заброшенного парка.

Время оставило на Театре свой отпечаток, но сделало это деликатно, не забирая красоту, а, скорее, трансформируя ее в нечто новое, более подходящее его возрасту. В этом смысле Театр был очень похож на свою владелицу – Линду. Всегда элегантно одетая, всегда с прямой спиной и спокойным взглядом, Линда, в отличие от других край, редко покидала стены Театра. Она была в первую очередь Хранителем нашего дома, а уж потом всем остальным – главой край, Владелицей Ключей от Города, моим наставником. Когда-то именно она взялась за мое воспитание, и, как бы меня ни мотало по жизни, в какие бы передрыги я ни влипал, она всегда при-

нимала меня таким, какой есть. И в числе немногих вещей, которых я держался, которые боялся потерять больше всего на свете, была ее вера в меня. В иные дни, особенно по молодости, это было единственным, что удерживало меня от страшных глупостей. Во всяком случае, от большинства.

Я поднялся в свою комнату на втором этаже, обустроенную в бывшей гримерной. Гримерных в Театре было всего две, но с помощью декораций их удалось разделить на целых восемь. Маленьких, но уютных. Владеть такой комнатой позволялось только главам отрядов. К счастью, я входил в их число. Мне досталась чудесная часть комнаты – с окном, выходящим на парк. В это время года сквозь лысеющие деревья можно было разглядеть реку и набережную далеко впереди.

Я задвинул за собой оргалитовую спинку трона, игравшую роль двери. Стряхнул с плеч накидку, бросил ее на раскладушку. Зажег керосинку, которую отыскал на одном из чердаков в прошлом году. Комната сразу потеплела – желтое пламя мгновенно прогрело грифельный мрак ночи, еще не готовый уступить свои права подступающему рассвету. Я открыл окно, впуская в комнату прохладу парка. Ссохшаяся рама грозно загрохотала стеклом, но я знал: это она просто так. Стекло прочно сидело в ненадежной на вид глазнице. Я перегнулся через многократно беленный подоконник и осторожно снял с водостока ведро, до краев наполненное дождем. Я отмылся, воды даже хватило на быструю стирку.

Перебинтовался, сделал керосинку ярче и наконец завалился подремать. Сон пришел быстро, я даже не заметил, как перед глазами замелькала всякая чушь. Проснулся с рассветом, когда за дверью поднялся шум. Краи слетались для Собрания.

Я вышел в зал. По традиции, на Собрании краи присутствовали не все, только главы отрядов и их ближайшие подчиненные. Мои уже были здесь – самые ответственные, как всегда.

Зал Театра был небольшим, но уютным. Мне казалось, он сохранил в себе все, что принято ассоциировать с театрами, пусть его слегка и потрепало. Алые бархатные кресла, на которых еще можно было различить номера. Балконы и колонны со старинными вензелями, тяжелый занавес на сцене, чуть истлевший по краям. Атмосферы добавляло и освещение – свечи и система зеркал, чтобы отразить свет и равномерно его распределить.

За каждым лидером в зале были закреплены определенные места. Мне, как Крышнику, ведающему всем, что происходит на крышах и чердаках, отвели место повыше – на колонне, поваленной на ложу бельэтажа.

– Ну и вид у тебя, начальник, – усмехнулся Гораций, когда я неловко опустился на свое место – сон вернул силы для полета, но вывих не способствовал мягкой посадке.

– Ты поговори мне. – Я устроился поудобнее, вытянул ногу, чтобы колено не так сильно напрягалось.

– Правда, что тебя глава кеди отделал? – не унимался мой подчиненный. – Это ж ни в какие рамки!

– Скажи мне, что не весь орден в курсе. – Я глянул в зал, постепенно наполнявшийся другими краи.

– Да нет, начальник, ты что, только мы, вот тебе слово! – прыснул Гораций. Нагловатый, но талантливый юнец, совсем недавно примкнувший к моему отряду. Мне он нравился: исполнительный, всегда с парой острот наготове. Я только улыбнулся ему в ответ.

Когда зал уже гудел от количества голосов и обсуждений, на сцену вышла Линда – как прима, выплыла из-за кулис с высоко поднятой головой. В лучах «естественного прожектора» – дыры в потолке – сверкало ее ожерелье. Связка посеребрянных отмычек. Ключи от всех дверей.

Линда терпеливо ждала, пока все рассядутся и успокоятся, а вот мне уже хотелось побыстрее начать. Поэтому я поднял руку вверх, показывая, что готов слушать. Следом взлетела рука Горация. Затем – Гретты и Марии, моих ребят. За ними повторили остальные. Линда окинула взглядом зал – море рук, одетых в черное и серебряное. Она кивнула – мы опустили руки.

– Дорогие мои, – полился голос Линды. – Хранителям стало точно известно: новый Путевод есть!

По залу пронесся благоговейный возглас. Линда медленно подняла руку, призывая к порядку. Гомон стих.

– Увы, не так все просто, – продолжала она. – Несмотря

на то что нам удалось подтвердить его существование... – взгляд Линды коротко задержался на мне и переместился дальше, – Путевод пока не найден.

Меня всегда восхищало то, как уверенно она выступает. Довольно долго я был убежден, что это природный талант, пока не застал ее в кабинете, репетирующей каждое слово перед очередным Собранием.

От слов Линды по залу прокатился разочарованный вздох. Она только спокойно подняла руку, снова призывая всех успокоиться.

– Уверена, это лишь вопрос времени.

– Вот бы теперь Путевод был с нами, с край! С нами так давно не было Путеводов! – раздался голос из зала в обход строго распоряжения Линды – все вопросы только по поднятой руке.

– Главное, чтобы не с фоци! Остальное терпимо! – усмехнулся другой.

Линда нахмурилась – подобная болтовня на Собрании ее раздражала, однако она молчала в ожидании, что подопечные сами образумятся. Зря.

– И не с кеди! – подхватил еще кто-то в зале. – В прошлый раз были кеди! Лучше уж с фоци!

– Вообще не лучше!

И тут уж все заспорили наперебой. Версии звучали со всех сторон, как будто это могло что-то изменить.

– А ну-ка, тихо! – Голос Линды заставил всех мгновенно

замолчать.

Обычно мягкая, она редко переходила на крик. Поэтому, когда повышала голос, не оставалось сомнений – настроена она очень серьезно.

Когда вновь воцарилась тишина, черты лица Линды разгладились и на губах вновь появилась вежливая полуулыбка.

– Как бы нам ни хотелось, чтобы новый Путевод был с край, мы не должны забывать о правилах! – Она строго глянула в зал. – Как только Путевода найдут, его, как и предполагается, приведут на собрание Совета, который и установит, кто станет опекуном в зависимости от его способностей. Мы, фоци или кто-то еще.

– Только не фоци... – снова тихо прошептал явный противник сизокрылых, но Линда великодушно оставила это незамеченным.

– Однако, – ее лицо помрачнело, – как вы, наверное, сами догадываетесь... Они тоже вышли на поиски.

В зале повисла мертвая тишина, постепенно покрывшаяся мурашками тревожных перешептываний.

– Теневые, – тихо произнесла Линда.

Зал невольно вздрогнул. Теневых боялись все без исключения, пусть кто-то и храбрился. В отличие от Мрака, бездумно шатавшегося по местам чужой боли, скорби или гнева и не доставлявшего особых хлопот, Теневые были людьми. Их было немного. Иногда и вовсе один Теновой на весь Город. Но они были невероятно прозорливы, а потому неве-

роятно деятельны. В их распоряжении всегда были Тени, тупые создания, но при правильном руководстве становившиеся верными гончими, ради хозяина готовыми на все. Они высыпали на Улицы с заходом солнца. Не боялись их только хунды, охранявшие Город от Теней в ночное время. И шушу, но уже по совсем другим причинам. А мы, край, фоци и уж тем более кеди были почти беззащитны. Понимание этого мечом висело над нами, и вечерами от него иногда становилось совсем жутко. Чем ближе был закат, тем чаще я видел край, бессмысленным взглядом созерцающих что-то перед собой. Это длилось всего несколько секунд, обычно все быстро брали себя в руки и возвращались к делам. Но я знал, что стоит за этими короткими отвлеченными взглядами. Страх. И окрашенные им воспоминания. Они были у каждого. Днем их прятали в черный подвал памяти, но ближе к ночи словно кто-то ослаблял замок на двери и воспоминания просачивались в узкую щель, липкой жижей облепляя все мысли, мешая сосредоточиться, порождая в груди нервный холод.

Теневые почти никогда не охотились сами, обычно это для них делали Тени. Но только не во время поисков нового Путевода. Тогда они готовы были запачкать руки, а потому поиск Путевода превращался в гонку. Где ценой было как благополучие Города, так и наши собственные жизни.

– Я понимаю, это пугает. Но мы с вами уже не раз через это проходили. До сих пор Им не удавалось нас обогнать. Не по-

лучится и в этот раз, если вы будете сохранять спокойствие и действовать согласно установленным правилам, – продолжила Линда. – Правила отработаны годами. Если вы будете их придерживаться, все будет хорошо и никто не пострадает.

– Тогда чего же мы ждем? – вдруг вскочил кто-то в зале. Кажется, кто-то из людей Амбарника. – Надо срочно выдвигаться на поиски!

– Разумеется, – согласилась Линда. – Но хочу снова призвать вас к осторожности. Да, мы давно имеем дело с Теневыми, но все вы знаете, что это враг, которого нельзя недооценивать. Отдельная просьба к главам отрядов. Следите за своими подчиненными, особенно за новобранцами, и не подвергайте их напрасному риску.

Зал согласно загудел.

– Действуйте осторожно и помогайте друг другу. – Линда перевела дыхание. – Итак, о новом Путеводе. Он седой. И он очень юн. Да, это совсем немного. Но будем надеяться, что столь скромное количество информации не помешает нам отыскать его очень скоро.

* * *

Чем больше Город, тем больше требуется сил, чтобы его прочесать. Но когда у тебя есть отточенный годами план действий и четкая система распределения отрядов, организация поисков не составляет особого труда.

Весь орден край делился на отряды. Один предводитель, несколько заместителей и кучка подчиненных. Ну и новобранцы, куда без них. У каждого отряда – своя зона ответственности.

Амбарник и его отряд взяли на себя окраины Города, плавно и незаметно перетекавшие в деревни.

Балконник привычно выбрал спальные районы.

Гаражник и Сарайник, предпочитавшие работать в паре, присоединились к нему, взяв на себя меньшую высоту.

Подвальник, хорошо общавшийся с шушу, вызывался осмотреть все с земли.

Цеховик с его огромным войском, правда, изрядно поредевшим за последнее время – люди повадились сносить здания фабрик и заводов, – конечно же, отправились в свои любимые промзоны.

У нас с ребятами с географией было сложнее. Крыш, у которых был доступ на чердак или в другие «крышные» зоны, по всему Городу было полным-полно.

– Начнем с центра? Чтобы с Цеховиком не толкаться, – предложил Гораций.

План был неплохой.

Я уже собирался улетать, когда ко мне подошла Линда и отвела в сторону.

– Есть кое-что еще, – понизив голос, сказала она. – Кое-что только для твоих ушей.

– Так? – Я наклонился ближе.

Линда помолчала, подбирая слова.

– Майя приходила. Борис не вернулся на Теплотрассу. И никто из семьи его не видел после инцидента с тобой.

Она посмотрела на меня, ожидая реакции. А я стоял и думал, что дело дрянь. В Городе Хранители никогда не пропадают просто так, тем более когда происходит смена Путеводов.

– Каравакс, на этот раз творится что-то совсем плохое. Я не знаю, что именно, но прошу тебя: Путевода надо найти как можно быстрее. Сделай все, что от тебя зависит.

Я не понимал, почему об этом она просит именно меня, – ведь на поиски выдвинулись все отряды краи. Но не стал спорить.

– Сделаем.

3

Поиски оказались сложнее, чем я надеялся.

Мы кружили над Городом уже не первый час – и ничего. Я видел другие отряды, издалека напоминавшие маленькие тучки, – Небо было полно краи. Но, кажется, не везло никому.

Мои ребята выдохлись, надо было сделать перерыв. Мы уселись на проводах, тянувшихся между двух кирпичных высоток.

– Бесполезно, Каравакс... – разминая плечо, сказал Гораций. – Если он в Домах, мы его никогда не найдем.

– Балконник и его ребята заглядывают в окна, – заметила Гретта, раскачиваясь на проводе, чтобы удержать равновесие.

– А если он не у окна? Квартиры разные, Город огромный. А времени мало.

Мария не смотрела на Гретту. Она в принципе избегала визуального контакта. Мария была тихоней и старалась лишний раз не привлекать к себе внимания, хотя с ее внешностью это получалось плохо. Суровая брюнетка с жесткими волосами, стриженными ежиком, не производила впечатление интровертной скромницы.

– Ну, не надо так, – улыбнулась Гретта. – Все получится. Сейчас еще к поискам шушу примкнул, они будут проверять

Дома изнутри!

Гретта была полной противоположностью Марии. Бойкая и деловитая, при этом миниатюрная, с огромными голубыми глазами, как у куклы. Гретта носила газовые светло-серые платья и вытянутые свитера, собирала волосы в маленький хвостик, при этом могла строить моих ребят похлеще предводителя хундов.

– Но у шушу нет отмычек от Домов, в отличие от нас. Если где-то не будет удобной дыры, им не попасть внутрь, – сказала Мария, глядя вниз.

Город беззаботно переливался мириадами разноцветных огней, шумел и гудел. Живой организм наполнился силой и энергией. Стук каблучков и гул разговоров выбивал точный сердечный ритм. Лица прохожих – смешные, грустные, сосредоточенные, расслабленные – мелькали, точно мысли. Вереницы машин, как мощный ток крови, двигались по Улицам-венам. Треск тока в проводах-нейронах. Идеальная гармония, лишь на первый взгляд казавшаяся оглушительным хаосом.

Я догадывался, о чем думала Мария, глядя на все это. Я сам думал о том же. Город жил, дышал здоровьем. Но где-то там, в его недрах, таилась страшная хроническая болезнь. Обычно она лишь изредка беспокоила Город случайными болями, заставляя морщиться, но в целом не причиняя особого вреда. На этот раз болезнь явно готовилась нанести серьезный удар. И мы могли лишь ждать и надеяться, что на-

ших сил хватит, чтобы его отразить. Путевод был залогом нашего успеха.

– Там! – Голос Гретты отвлек меня от невеселых мыслей. Она вытянулась, точно струна, и указала пальцем на высотку слева от нас. – Каравакс, смотри!

Я проследил за ее жестом. На краю крыши, там, где в стену уходил один из концов нашего провода, сидела крыса. Шушу. Она не рисковала идти к нам по проводу. Поэтому просто терпеливо ждала, пока кто-то из нас не посмотрит в ее сторону. Поняв, что ее заметили, она «перекинулась» и махнула нам рукой.

Шушу «перекидывались» очень неприятно, со скрежежом, с каким тащат арматуру по асфальту, выпрямлялись, формируя из звериного человеческого так быстро, что даже искушенному зрителю становилось не по себе.

Было чертовски здорово, что «перекидывание», как и вообще человеческий облик Хранителя, могли наблюдать только «видящие». А их среди обычных людей было немного. Для большей части жителей Города мы ко всеобщему спокойствию всегда выглядели животными. Просто вороны, просто голуби, крысы, псы и кошки.

Мы поравнялись с шушу – смуглой девушкой с хитрым, цепким взглядом черных глаз. Я узнал ее – Раксакаль, дочь Барона – главы ордена шушу. Она была очень похожа на него. Такой же острый подбородок и широкий лоб, такие же густые черные брови, напоминавшие размах крыльев ма-

ленькой птички. Алый платок на голове, огромные золотые кольца в слишком маленьких – опять же, бароновских – ушах.

В Раксакаль было много небрежного, будто она начинала следить за собой, а потом ей надоедало, и красота ветшала прямо на ней. Лак на ногтях был ободран, некогда красивая одежда полиняла и обветшала. Но в этом безусловно было какое-то своеобразное, но очарование.

Я приземлился рядом, тоже «перекинулся», как мне верилось, гораздо изящнее. Раксакаль расплылась в желтой улыбке. Поднесла ко рту руку и, не сводя с меня глаз, облизнула. Я увидел, что на внешней стороне ее ладони зияет кровоточащая рана.

– Что с тобой? – напрягся я.

– Нашла я вам Путевода! – гордо объявила она, снова облизывая руку.

* * *

Услышав крики на кухне, Мать вскочила с полки, машинным движением перехватила на себе халат, запрыгнула в тапочки и рванула на себя штору, отделявшую кухню от спальной части вагона.

– Так, что вы галдите! Что стряслось? – Опытный взгляд Матери заскользил по одиннадцати притихшим дочерям в поисках подвоха. Но не нашел. – Натворили чего опять? –

Напустила на себя строгий вид жена Барона.

– Прости, мамочка, мы не хотели тебя будить! – состроила глазки младшая, Сара.

– Ой, не подлизывайся мне тут! – Мать, в отличие от Барона, уже давно не велась на трюки дочерей. – Выкладывайте! Разбили что?

– Путевода ищут! – загадочным голосом сообщила средняя, Ратка, зеленые глаза которой внимательно следили за маминой реакцией.

– А вам с того что за печаль? – подбоченилась Мать, все же на всякий случай оглядывая комнату в поисках повреждений. Стол – центральный и самый большой предмет на кухне – был цел. Завален посудой, но в семье из четырнадцати человек это было неизбежно. На плите, устроенной на старой буржуйке, царил порядок. Амулеты на окнах не испорчены, шторы из старых палантинов не тронуты, вода в ведре для мытья посуды есть, банки и склянки с заготовками ровными рядками стоят вдоль подвесных полок. Даже эмалированная кастрюля, в которой кисло молоко для окрошки, не перевернута. Мать нахмурилась сильнее – зудящее ощущение, что она что-то упускает, не давало ей покоя.

– Дурите меня, небось! Вот отцу все скажу.

– Ну мамочка, мы же честно! – пискнула Сара. – Путевода ищут, папа отправляет отряды в помощь край!

– Так, а Ракса где? – Мать вдруг поняла, что не видит старшую дочь. Девочки потупились. Мать поняла: вот оно. – А

ну-ка, выкладывайте! Куда Раксакаль девалась?!

– С папой... – осторожно сказала Ружа, третья дочь Барона. И тут же залилась краской – врать она категорически не умела.

– С папой! – всплеснула руками Мать. – Это чтоб ей вдруг стало интересно команды раздавать и с бумажками возиться?! А ну, признавайтесь, чертовки, на Путях она опять? На Путях?

Для эффекта Мать даже стукнула ладонью по столу – посуда подпрыгнула, издавая мелодичный звон. И это помогло.

– На Путях, – призналась Ружа, которой явно стало легче от сказанной правды.

– А вы и не остановили, ой! – закачала головой Мать. – Договаривались же! И еще сестры, называется, ой!

– Мы пытались! Пытались, мамочка! – наперебой заговорили девочки. – Но она ни в какую! Говорит, я первая Путевода отыщу! Да, я найду нового Путевода, все узнают, на что способна Баронова дочь.

– Ой ты ж, ой! – заохала Мать, хватаясь за грудь. – Мира Дэвел, ой!

Продолжая причитать, Мать рванула в стороны раздвижные двери вагона и выпала на цементный пол платформы, гордо именуемой Площадью. Суетившиеся вокруг шушу замерли – отвлеклись от своих занятий, выглянули из жилых вагонов, тянувшихся вдоль Площади по заброшенным Путям. Весь табор воззрился на жену Барона.

– Где Барон? – спросила женщина, которой не хватало дыхания – от волнения в груди сперло.

– У северного входа на Пути он, – ответил кто-то.

– Янко! Янко! – Мать, хватаясь за крупные бусы на шее, стала пробираться к противоположному концу платформы сквозь платки, разделявшие Площадь на сегменты. То и дело приходилось огибать коробки с грузом, тазы со стиркой и другими неожиданными препятствиями, скрытыми за разноцветной тканью. – Янко!

– Что стало? – отозвался наконец Барон.

Его недовольное лицо появилось меж платков. В руках он сжимал бумаги с координатами постов вдоль Путей. Следом за ним выглянули подчиненные Барона, с которыми тот обсуждал, как помочь краи искать Путевода.

– Раксакаль! – просипела Мать и сползла на землю. Барон метнулся к ней, подхватывая под руки, и аккуратно усадил ее на коробки. – Опять. Опять сбежала, чертовка! Опять на Пути! – Мать махнула руками, и прижала к губам уголок платка, чтобы в сердцах не выпалить лишнего.

Барон прикрыл глаза.

– Обещала ведь мне, что домой пойдет, раз уж мне тут помогать не хочет!

– Ты ей рассказал про Путевода? – севшим голосом спросила Мать, в растерянности глянув на мужа.

– Я, а что было делать? Она должна учиться заниматься делами табора, решил: такой повод привлечь ее к делу, от-

рядами бы командовала.

– Что ей дело твое, Янко, у нее сплошные Пути на уме и поиск «потеряшек», как у солдатки обычной! Видала она все эти дела наследнические, неблагодарная! – всхлипнула Мать, снова прижимая к губам платок.

– Ну-ну... – взял жену за плечи Барон. – Чего ты переживаешь так? Она опытная, у нее этого не отнять. «Потеряшки» ищет хорошо, грузы доставляет хорошо... может, и тут повезет.

– Защищаешь ее, дурынду эту! А не станет нас с тобой, кто за табором присмотрит! У нее ж ветер в голове, как у краи! – Пальцы Матери нервно сжали края платка.

– Вернется – задам ей. Вот тебе слово! – пообещал Барон, чтобы только успокоить супругу. Женщина закивала, потушила взгляд.

Он сел рядом и прижал голову жены к груди.

– Не пропадем. Раксакаль – голова дурная, но светлая. Да и хитрости ей не занимать. Не пропадем.

А тем временем Раксакаль, вопреки заветам отца и тревоге матери, уже со всех ног неслась по Путям. Ее захватил азарт.

Она была уверена в своих силах – сомневаться в чем-то вообще было не в ее правилах. Во всех вопросах она доверялась своему чутью, которое, на счастье, редко подводило. Сейчас она была уверена – именно ей повезет найти Путе-

вода!

Выбравшись из Метро, где на заброшенной станции жил ее табор, она увидела стаи краи, уже кружащие над Домами. «Конкуренты», – улыбнулась девушка, на самом деле уверенная: ей никто из них и в подметки не годится. Пусть у краи были отмычки, а значит, доступ к любому Дому, но, чтобы воспользоваться хоть одной, им нужно было Приглашение Дома. А ей оно не требовалось до тех пор, пока она не нарушала ничей покой. А значит, пока чернокрылые были просто фоном, не более.

Вентиляция – вот ее способ попасть внутрь. Так легко можно было осмотреть Квартиры, не заходя в них, а значит, ничей покой не будет нарушен и Дом ее не выгонит.

Раксакаль выбрала одно из зданий наугад и ринулась наверх.

«Мне повезет!» – подумала девушка.

После проверки пятого Дома Раксакаль начала злиться. Мало того, что никакого Путевода, так еще и голод начал давать о себе знать. И если неудачные поиски лишь означали, что надо просто выбрать следующий Дом и продолжать искать, то голод отвлекал, мешал сосредоточиться. А вот для того, чтобы перекусить в чужой квартире, уже придется договариваться с Домом, он может и не разрешить.

Это было унижительно для Раксакаль. Ведь обычно все, что ей было нужно, она брала себе без спроса. Или силой.

Или угрозой эту самую силу применить. «Как нищенка сейчас буду!» – с досадой думала Раксакаль, но терпеть урчание в животе уже не было сил. Она добралась до нового Дома и тихо попросила: «Дом, пожалуйста, угости меня, я трачу силы, разыскивая Путевода, разреши мне где-нибудь поесть!»

Кирпичные стены пятиэтажки отозвались на ее слова едва ощутимой вибрацией. Она пронеслась с фундамента вверх, к крыше. На миг задержалась там и стихла. Раксакаль расплылась в довольной улыбке, отыскивала вход в вентиляционную трубу, обросшую толстым слоем пыли. Забралась по ней на самый верх и выскользнула через неплотно прибитую к вытяжке сетку. К своему удивлению, она оказалась не в Квартире, а в каком-то подсобном помещении. Обжитом подсобном помещении, насквозь пронзенном многочисленными трубами. Между ними была натянута веревка – на ней сушилось белье. Рядом стоял облезлый диван и заляпанные стулья. А дальний угол помещения скрывали фанерки, сколоченные в отдельную комнату. В нее даже вела отдельная дверь. «Точно как у край!» – подумала Раксакаль.

Повсюду валялся хлам – коробки, доски, какие-то пакеты с непонятным содержимым. Под единственным окошком на правой стене был навалена гора тряпья. Подоконник за ней был заставлен талыми свечками. Вдоль по периметру комнаты тянулись ряды зеленых и коричневых бутылок.

Оглядев все это великолепие, Раксакаль фыркнула и уже собралась уходить, решив, что Дом ошибся или пошутил. Но

тут сквозь запах пыли и старья она ясно различила аромат хлеба. Где-то лежал батон. Нос шушу задергался, а желудок свело новым голодным позывом. Осторожно оглядываясь по сторонам, Раксакаль бесшумно засемила вглубь помещения.

Хлеб обнаружился среди пакетов и пыльной посуды на катушке из-под кабеля, приспособленной под стол.

«Спасибо, Дом!» – Шушу облизнулась и уже потянулась к заветной буханке, как ее руку вдруг пронзила резкая боль.

Краем глаза Раксакаль заметила что-то, взметнувшееся рядом, и едва успела отпрыгнуть, как второй удар обрушился уже на катушку-стол. Шушу приземлилась на пол и бросилась бежать, лишь мимолетно глянув на обидчика. Ребенок. Мальчик, сжимающий в руке палку. Мелькнули в сумеречном свете длинные пряди серых волос.

– Воровка! Это моя еда! – кричал он, несясь следом за стремительно убежавшей Раксакаль.

Она взлетела по трубе обратно к вентиляции. Седовласый метнул палку, надеясь зашибить ненавистного грызуна, но шушу успела юркнуть в дырку за сеткой. Палка гулко стукнулась о стену.

Раксакаль отбежала от входа в вентиляцию и замерла, с трудом переводя дыхание.

– Вот же! – донеслось до нее возмущение мальчика. – Сбежала все-таки!

Послышалась возня, Раксакаль подергала носом. Сетка

вентиляции отлетела, и в узкое пространство вонзилась деревянная доска. Видимо, не зная, как проще пресечь возвращение крысы, мальчик решил забить вентиляцию.

Когда он втискивал последнюю доску, со скрипом пролежавшую между предыдущих, Раксакаль уже неслась вниз по вентиляции и торжествовала. Кровоточащая рана ничуть не умаляла ее радости, она даже не замечала ее. Седовласый! Седовласый мальчик!

Дело оставалось за малым – доставить его на собрание Совета.

Теперь вход в его Квартиру – а эту свалку из тюков и бутылок Дом все-таки считал квартирой – лежал либо через дверь, либо через окно. Тут точно не обойтись без отмычки, а значит, без краи. Но это было уже неважно. Ведь она нашла Путевода, именно она!

Ближайшая группа краи обнаружилась на проводах между двух кирпичных высоток. Преодолев путь вверх через все ту же вентиляцию, Раксакаль выбралась на крышу и замерла на краю. Идти по проводу она не решилась – высота и шушу плохо уживались друг с другом. Дождавшись, когда краи сами ее заметят, она «перекинулась» и махнула им здоровой рукой.

4

Со мной пошла Гретта. Остальных ребят я отправил в Театр – слишком много Хранителей в одном месте всегда привлекает внимание людей. Ну и Раксакаль, это даже не обсуждалось. Раненая рука, теперь наскоро замотанная алым платком, не убавила ее пыла, даже наоборот.

Пока мы спускались с высоты, Гретта коротко шепнула мне: «Я ей не доверяю».

Я пристыдил ее за невежливость, хотя сам не очень доверял дочери Барона. Уж больно взбалмошная.

Я подлетел к подоконнику нужного чердачного окна. Стекло мутное, пыльное, ничего не разглядеть. К тому же оно явно не открывалось, я не увидел петель. Стало понятно, что придется проникать в Дом максимально по-человечески – через подъезд.

Гретта осталась сторожить у входа – устроилась на соседнем дереве.

Дождавшись, когда кто-нибудь из людей выйдет из подъезда, мы с Раксакаль проскользнули внутрь и взобрались на последний этаж. От лестничного пролета наверх вела узкая лесенка, сваренная из арматурин и почему-то выкрашенная в зеленый. На верху лестницы – под самым потолком – виднелась маленькая обшарпанная дверь. Замочная скважина в ней была новой.

– Уверена, что здесь?

Раксакаль кивнула.

– Где ж ей еще быть – самая крыша. Точно тут. Справишься?

Что ж, вариантов не оставалось. Я «перекинулся» и медленно поднялся по железным ступеням. Положил руку на шершавую поверхность двери, закрыл глаза и сосредоточился. «Дом, я, Крышник, предводитель крышеходов, ведающий всем, что смотрит на Небо, прошу разрешить мне войти в эту Квартиру. Клянусь, что не имею дурных умыслов и действую на благо Города», – мысленно произнес я фразу, за много лет заученную настолько, что разбудил меня среди ночи – я выдал бы ее без запинки.

Дом отреагировал быстро – почувствовав под ладонью одобрительную вибрацию, я вынул из-под майки посеребренную отмычку. Вытянутый вороний коготь, у всех предводителей отрядов край был такой. Отпирающий все двери и окна в зоне их ответственности.

– Занятная вещица, – облизнулась Раксакаль, когда я провел когтем по ручке и замочной скважине.

– Даже думать забудь, – бросил я.

– Да ну что ты, и не думала! – подняла она руки, словно попавшийся вор. – Я не собираюсь объявлять войну край! Но обладать такой штучкой дорого стоит...

– Предлагаю на этом закончить.

Я нажал на ручку, и, стоило двери приоткрыться, от про-

хода отпрянуло нечто темное и холодное и скрылось в глубине Квартиры. Я невольно замер. Неужели опоздали? Прислушался – тишина. Может, просто Мрак? В тот момент я пожалел, что со мной не было никого из кеди, той же Майи. Они очень тонко чувствуют Теневых, Теней и прочий вражеский сброд.

Я обернулся на Раксакаль – она сосредоточенно обгрызала лак с ногтей.

– Когда ты была там... ты ничего не почувствовала? – спросил я, невольно вглядываясь во тьму за дверью.

– Мм? – отвлеклась от своего занятия девушка. – Нет, ничего вроде. А что?

– Да так. Мне показалось...

За дверью виднелась еще одна лестница – несколько железных скоб, прибитых к стене. Видимо, квартира была еще выше.

– Показалось, что там что-то есть?

Раксакаль подошла ко мне и тоже заглянула в щель.

– Как будто.

Она какое-то время рассматривала пространство за дверью. Мне показалось, с каким-то нездоровым любопытством.

– Ну, если там что и есть, то оно совсем слабое, – шушу отошла от двери. – Слабое мы не чувствуем – сам знаешь, живем рядом с ним, притерпелись. Может, Мрак обычный? Ты его светом спугнул.

Я пожал плечами.

– В общем, сейчас выясним. Пошли! – И прежде чем я успел что-то сказать, Раксакаль распахнула дверь.

Из комнаты вырвался запах пыли и залежалой одежды. Я увидел рядом с дальней лестницей две пары обуви – мужские ботинки и кроссовки, слишком маленькие для взрослой ноги.

– Давай, не дрейфь! – Раксакаль уверенно перешагнула порог, я едва успел схватить ее под локоть.

– Ты что, напролом попрешь? – зашипел я, подтягивая к себе недоумевающую девушку. – Смотри, он тут не один живет! – Я кивком указал на обувь.

– Да иди ты, нет там никого! – так же шепотом огрызнулась Раксакаль, выдергивая руку. – Я приходила – никого не было, один он там! И аккуратнее вообще, раненую руку хватаешь!

– А, теперь это резко стало проблемой, да? – тихо возмутился я. – Слушай, если окажется, что он там не один, – мы влипли. Давай я схожу посмотрю, что к чему, а ты посторожишь?

– Почему это ты сходишь?! – возмутилась Раксакаль.

– Потому что если там есть «невидящий», то пусть лучше он ворону увидит, чем крысу! Тебе и так сегодня досталось.

Раксакаль явно хотела что-то возразить, но все же сдержалась и, насупившись, кивнула.

Надеясь, что наша возня не привлекла ничье внимание,

я забрался по лестнице. И чуть не стукнулся головой об потолок – настолько он оказался низким. Пришлось согнуться, чтобы пробраться вглубь. Кругом был мусор, настоящая свалка из вещей, даже не верилось, что в таком бардаке могут жить люди. Но вот горящие свечи на подоконнике, вот тарелки и еще свежая еда на столе. Здесь определенно живут, и давно. Где же Путевод?

Полумрак действовал на меня плохо. В голову сразу полезли неприятные мысли, но я старался гнать их от себя. Оборачиваясь на свечи, как на спасительный маяк, я стал аккуратно осматривать комнату.

У двери, врезанной меж фанерных листов, ощущение, наступившее меня у входа, повторилось. Нечто за дверью метнулось из одного угла в другой. Дом отозвался на это перемещение едва слышным вздохом. Не слишком тревожно, скорее предупредительно. Я решил не трогать дверь – кажется, мне было не туда.

Но куда?

Я вновь окинул взглядом комнату. И вдруг заметил его. Седая голова в дальней части чердака, едва заметная на фоне таких же серых тюков со всякой всячиной. А на голове, поигрывая попеременно гаснущими лампочками, искрилась новогодняя гирлянда – свечи, крепившиеся на провод в виде ветки. Мальчик не замечал меня, он был чем-то очень занят, бормотал под нос, отвернувшись к стене. Пугать парня не хотелось, к тому же вдруг он там не один? Я подобрался

поближе и замер от увиденного. Парень сидел на полу, выставив перед собой руки и напряженно жмурился. А перед ним на полу, искрясь, точно оголенные провода, то пропадали, то снова появлялись контуры гроба.

* * *

Сколько Леша себя помнил, мама всегда была такой. Папа говорил, что не всегда, но Леша не знал, правда это или нет. Мама «болела», так папа это называл. Но Леша видел: это не болезнь, что-то другое.

Иногда это другое веселило маму. Так, что она бегала по комнатам огромной квартиры, вальсировала с папиным пиджаком от окна, выходящего на Малую Бронную, к окну, смотрящему прямо на Пруды, и смеялась. Смеялась. Смеялась. Называла Лешу «мой любимый мальчик», хотя тут же поправляла себя «но ты мог бы стараться лучше ради мамы, как твой брат».

Иногда «болезнь» ее выматывала. В маме вдруг как будто выключали жизнь: она с утра не могла подняться с двуспальной кровати, в которой папа больше не спал, тихо стонала, закрыв лицо тонкими руками, и только просила домработницу сделать тише и темнее. Ее мучил малейший шум, мельчайший лучик света. Поэтому в такие дни Леша не приближался к маме и вообще старался из своей комнаты не выглядывать. Иногда в такие дни мама сама приходила к нему,

призраком вставала на пороге, зябко кутаясь в шаль, щурясь на свет. Тогда Леша замирал на месте, будто мама не увидит его, если он не будет двигаться. Мама могла просто стоять на пороге, долго пронзая взглядом предметы в комнате, будто разыскивая что-то конкретное. И могла тут же сорваться из-за какой-нибудь мелочи. Например, сшибить чашку с горячим чаем со стола, где Леша оставил ее всего пару минут назад, с криком: «Что за свинарник! Кто ставит чашки по всей квартире, кто тебя только воспитывал!» А потом, когда домработница собирала осколки, нависала над Лешой коршуном, страшно выпучив на него немигающие глаза, и повторяла: «Смотри, смотри, до чего ты меня довел! Неуклюжий! Тебе не стыдно? Твой брат никогда бы так не поступил!»

Леше не было стыдно, только страшно.

Из-за мамы, когда он не знал, что ему сделать, чтобы все прекратилось.

Но больше всего из-за брата.

У него не было никакого брата.

И в то же время Леша чувствовал: он был.

Брат бликовал едва заметным глазу фантомом на пустующем стуле за столом. Проступал тонкими линиями рядом с кроватью, когда папа гасил свет в Лешиной комнате перед сном. В ванной за шторкой, пока Леша чистил зубы, или между пальто в прихожей, когда Леша одевался в школу. Фигура брата преследовала его и оставляла, только когда Леша

делал шаг на улицу. В том мире, мире «снаружи», брата не существовало. Но как только он закрывал за собой дверь в прихожую, брат вновь тут же появлялся. Стоял в коридоре и ждал. Идеальный. Белый. Недвижимый, как безупречная статуя.

Со временем фигура брата приобретала объем, вес, начала задерживаться, стоя где-то на периферии зрения, и уже не стремилась тут же пропадать, стоило Леше перевести на нее взгляд. Теперь Леша засыпал и чувствовал, как взгляд идеальной статуи из маминого воображения дырявит его из угла.

Однажды маме стало хуже. Хуже, чем обычно. Хотя папа продолжал уверять, что мама идет на поправку, она была все дальше, ее речь была все страннее, а заслуги брата становились все более невероятными и недостижимыми. Хороший мальчик, отличник, юный гений, ангел во плоти. И однажды ночью, когда Леша снова лежал в кровати, натянув на седую голову одеяло и усиленно пытаюсь думать о чем угодно, но только не о фигуре в углу комнаты, мама подожгла папину библиотеку. Самого папы дома не было. Леша примчался на крики домработницы. Та стояла в дверях, залитых рыжим, точно апельсиновый сок, светом. Из дверей валил дым, нос и горло тут же заложило, обожгло глаза. А мама с диким хохотом танцевала посреди библиотеки, кружилась среди языков пламени, словно в поле рыже-алых цветов, пытаюсь поймать летавший по комнате серый пепел.

Маму спасли. Но это была последняя капля – папа и мама поругались. Поругались сильно. Леша слышал, как они кричали друг на друга, не уверенный в том, на какую именно маму – танцующую от радости или злобно щурящуюся от любой вспышки света, – кричит папа. И какая именно мама кричит на него в ответ. В любом случае, Лешу бросили обе. В февральскую ночь, через пару недель после скандала, мама вышла на улицу в одной ночной рубашке и больше не вернулась.

Леша плохо помнил, как она исчезла. Помнил только, как стоял в коридоре и смотрел в черноту дверного проема, глядящего в равнодушный холодный подъезд. А еще помнил, как немели руки, но не от холода или маминого поступка. А от осознания: мама ушла, а Он, Брат, этот чужак родом из маминого бреда, остался. Он стоял сразу за его спиной – несуществующий, но реальный. И теперь Леша оказался с ним один на один.

Следующим воспоминанием стали похороны. Пышные, будто это был какой-то праздник, и Леша даже удивился, как не соответствует все это внешнее – нанятый папой оркестр, множество цветов, красивые наряды гостей – причине происходящего. Гроб был закрыт – Леше даже показалось, что, может, мама не там. Но какое-то внутреннее чувство подсказывало ему: она там, там и останется. Леше представилось, что это очередной день, когда у мамы выключили жизнь, –

она заперлась, только на этот раз не в комнате, и никого не хочет видеть. Леша подумал, что мама просто наконец определилась, какой образ ей больше по душе. Он помнил, как красивая крышка исчезла под слоями земли. Он помнил, что тогда сказал папа: «Цветы бы ей понравились».

Теперь Леша жалел, что не спросил тогда у папы, что бы понравилось ему.

С маминым уходом началась череда исчезновений. Сначала пропала домработница, а с ней и чистота в доме. Потом стали пропадать ценные вещи – однажды с утра Леша не нашел свой планшет. А потом понял, что нет ни папиного компьютера, ни даже телевизора. Потом стала пропадать еда. Иногда папа приносил новую, а иногда нет. Когда приносил – плакал, когда не приносил – был пьян и тоже плакал. Кричал, а потом снова плакал. А потом и сам папа стал исчезать. Иногда надолго. Всегда оставался с ним только Брат. Все так же стоял, молчаливый, вперив в Лешу неподвижный взгляд. Тот пытался от него прятаться, но Брат всякий раз его находил. Он не трогал Лешу, не приближался, просто всегда находил его. Где бы Леша от него ни прятался: на антресолях, куда научился взбираться по запылившимся полкам в коридоре, или на отапливаемом балконе, свернувшись калачиком под низким столиком на японский манер, или в шкафу между старых маминых платьев, сначала пахнущих духами, затем пылью. Брат всегда его находил. Выбирал самый темный угол и вставал там сторожем. Леша пы-

тался кричать, кидаться в него вещами, но Брату было все равно. И тогда Леша бежал в поисках нового укрытия, пока рядом с ним снова не появлялось давящее ощущение чужого присутствия. Леша думал, что Брат с исчезновением мамы утратил свой смысл, надеялся, что это однажды убьет его, что он пропадет, но каждое утро Брат исправно и терпеливо ждал Лешиного пробуждения в углу спальни. Однажды, когда папы не было слишком долго, измученный голодом и бегством от Брата, Леша позвонил соседям. Просто повис на их звонке и умолял спасти его. Вряд ли соседи поняли, что именно случилось, кто его преследовал. Или же поняли на свой лад.

Дальше воспоминания Леша расслаивались, как старый коврик у входной двери.

Он помнил, что откуда-то вернулся папа и сильно кричал на него и соседей. Приехала полиция, долго о чем-то беседовала с отцом, ходила по квартире. Папа скомандовал Леше не высовываться, поэтому Леша не высовывался – сидел на антресолях. Где и наткнулся на коробку с елочными игрушками, запрятанную вглубь. И пока полиция заглядывала в шкафы, что-то записывала, а папа с ними ругался, Леша перебирал их, вспоминая, как когда-то он с родителями выбирал их в Праге. Мама тогда уже несколько дней чувствовала себя хорошо, и они всей семьей пошли на базар. Множество маленьких деревянных домиков, украшенных огнями, уютно теснилось на площади. В центре стояла огромная

елка, возле которой было множество подарков, а прекрасная девушка в белом пела песни вместе с другими детьми. Все были улыбочивыми на этом базаре, поздравляли друг друга с праздником и продавали удивительные вещи – вкусные крендели, посыпанные корицей, и деревянных солдатиков, расписные чашки с напитком, который мама разрешила пить только папе. От чашки пахло чем-то терпким и кислым, тогда Леша не знал, что это за запах, но уже тогда он ему понравился. Но главное – они с мамой купили потрясающую гирлянду в виде свечей на проводе, украшенном листьями. Тогда мама в шутку намотала ее Леше на голову – получилось нечто вроде венка.

– Настоящий ангел! – улыбнулась продавщица.

Сейчас никому не нужная гирлянда смотрела на Лешу из полумрака пыльной коробки. Леша вынул ее, вытер мутные стекла на свечках и намотал на голову.

Вечером того же дня папа спешно покидал свои вещи и вещи Лешу по сумкам, особо не разбирая, что берет. И утащил Лешу из их большой квартиры на Патриарших, чтобы больше никогда туда не возвращаться.

Дальше была новая череда исчезновений – сначала то небольшое количество вещей, что они взяли с собой, пропало. Леше удалось спасти только гирлянду и черного плюшевого пса с глазами-бусинами, которого папа когда-то привез из очередной командировки.

Потом исчезли нормальные квартиры. С каждым переез-

дом они становились все теснее и грязнее. А когда исчезли и деньги, вместо квартир были теперь теплотрассы, подвалы и вокзал.

Лишь однажды им с папой повезло по-настоящему – нашелся добрый старик, что приютил их. У Леша снова были хорошая одежда, еда, горячая вода и собственное теплое место для сна. У старика даже была собственная библиотека – он рассказывал Леше про разных писателей, Леша стал зачитываться книгами. Вместе со стариком он научился искать хорошие вещи в баках, выменивать их у дворников на что-нибудь еще более интересное. Старик даже помог папе найти подработку. Но долго папа не продержался – снова запил. И добрый старик тоже исчез.

В этой бесконечной череде изменений Лешу радовало лишь одно исчезновение. Брат тоже пропал. Как-то раз Леша вдруг понял, что не видел его с момента, как они уехали из старой квартиры. Первое время Леша боялся, что это ненадолго, что Брат скоро его найдет, как всегда находил в квартире. Но время шло, а он не появлялся.

Появилось другое. Сразу, как им пришлось уйти от доброго старика из-за папы. И забиться в очередной вонючий угол.

Когда Леша впервые понял, что видит перед собой то, что он только что выдумал, он испугался. Они с папой только что перебрались на чердак пятиэтажки, куда папа незаметно

проник, на удивление ловко справившись с новеньким замком. Папа был зол: он очень некрасиво поругался с добрым стариком. С ходу папа выпил все прихваченные с собой запасы алкоголя – полбутылки какой-то мутной жижи, две банки пива, а потом завалился спать между фанерных стенок, отгораживавших на чердаке угол, где хранился песок для тушения пожара. Леша отсел подальше, чтобы не слышать папиного храпа и полубредового бормотания. Зажег свечи, которые нашел тут же, среди забытого на чердаке барахла. Электричества в их новом убежище не было. Леша закрыл дверь в «комнату» папы. Поправил на голове гирлянду, которую снимал, только чтобы помыть голову или расчесаться. Ему казалось, что если он снимет ее насовсем, то навсегда закроет дверь в свое, как теперь казалось, абсолютно счастливое прошлое. А этого совсем не хотелось, ведь терпеть неприглядное настоящее тогда не будет никаких сил. Леша положил на колени мягкую игрушку, уже изрядно замызгавшуюся, и уткнулся в книгу – единственную, которую успел захватить из теплого освещенного убежища. «Повелитель мух» Голдинга. Пейзажи острова и окружавшего его моря, прописанные с такой любовной точностью, уносили Лешу далеко-далеко. Он представлял себе «берег, что был весь опушен пальмами. Они стояли, клонились, никли в лучах, а зеленое оперенье висело в стофутовой выси. Под ними росла жесткая трава, вспученная вывороченными корнями, валялись гнилые кокосы и то тут, то там пробивались новорожденные

ростки. Сзади была тьма леса и светлый проем просеки».

Он представлял себе, что он, как Ральф, «замер и, шурясь, смотрел на сверкающую воду. Там, наверное, в расстоянии мили лохматилась у кораллового рифа белая кипень прибоя и дальше темной синью стлалось открытое море». Он видел это настолько четко, настолько погрузился в ощущение спокойного летнего зноя, что, когда над головой посветлело и он, оторвав голову от книги, увидел бирюзовое небо сквозь пальмовые листья, сперва ничего не понял. А вдруг поняв, закричал. Наваждение тут же пропало – над головой снова были перекрытия крыши, едва различимые в отблесках свеч. Но Леша не мог успокоиться, его будто обдало кипятком. Он уронил книгу, вскочил на ноги.

– Чего орешь? – раздался недовольный голос папы.

Леша честно попытался объяснить: померещилось, нет, не померещилось, оно было тут взаправду, такое настоящее! Небо. И пальмы. И даже шум моря, неужели папа его не слышал?!

– Чего несешь?! Тоже хрень всякую видеть начал? – обрвал его сбивчивые описания папа.

Леша услышал, как тот пытается подняться. И на всякий случай отполз подальше, уже зная, что в гневе папа может сорваться не только словами. Но вместо шагов послышался глухой удар – видимо, папа не удержался на ногах. Леша было бросился к нему, но тут снова раздался голос – глухой, будто сквозь вату...

– Весь в свою мамашу, – процедил папа, проговаривая слоги, налипавшие друг на друга, как варенье на пальцы. – Скоро, глядишь, тоже кони двинешь!

Сердце в груди Леша заколотилось так, будто решилось на отчаянный побег из плена ребер.

– Пап, но все было по-настоящему. Я не выдумал, – тихо прошептал он, глядя на фанерную стену так, будто именно ее ему и надо было убедить. – Я не сумасшедший. Все было как живое!

– Как живое, как живое... – передразнил его папа из комнаты. – Точно весь в мамашу... вот твой брат бы...

И тут он захрапел, требовательно увлекаемый алкоголем в тяжелый похмельный сон. А Леша забился в угол и беззвучно проплакал там до утра. Он был обижен на папу, обижен на себя, на весь мир и свою жизнь. Наутро он не пошел будить отца, наивно думая, что это поможет тому осознать свою неправоту. Иногда на того действительно накатывали приступы раскаяния: он обнимал Лешу, обдавая его перегаром, причитал, и каялся, и корил себя за все. Но вечером Леша понял, что будить папу уже не понадобится.

На следующий день Леша сел среди коробок и вместо пальм попытался вспомнить мамины похороны. Вспомнить, как выглядел ее гроб. Он не знал, что еще можно сделать. Папа учил: никогда не обращаться к посторонним за помощью, тем более – в полицию, иначе его, Лешу, заберут. Поэтому Леша никого не звал. А изо всех сил напрягал вообра-

жение, сжимал кулаки так, что на ладонях от ногтей оставались продавленные скобки. Нужные очертания продолговатого деревянного ящика не задерживались надолго, и у него все время чего-то не хватало: то ручек, то крышки. В отличие от палм, Леша не мог «увлечься» своим новым видением и чувствовал подступающее бессилие. Он уже порядком вымотался, от перенапряжения разболелась голова, но Леша упорно продолжал попытки, пока за спиной вдруг не раздался незнакомый голос.

* * *

– Привет! – сказал я как можно вежливее.

Парня будто ветром сдуло – он метнулся к дальним коробкам, перелетел через них в один прыжок получше многих кеди и скрылся. Я видел только, как через щели картонных боков предательски продолжает поблескивать гирлянда. На миг воцарилась тишина. Я вдруг понял, что вообще не знаю, что сказать. Я не готовился к этому разговору, как-то надеюсь, что оно само пойдет. Не пошло. И я начал издали.

– Эй... ты меня слышишь? Видишь? – спросил я, не приближаясь, но пытаюсь рассмотреть парня за коробками, поймать его взгляд. Ответа не последовало. Он не двигался, как будто даже не дышал. – Я тебя не обижу! Я поговорить хочу.

Повисла очередная напряженная пауза.

– Ты из полиции? – наконец спросил парень.

Его голос только начал ломаться, так что верхние ноты вылетали, а вот нижние уже по-мужски басили.

– Из полиции? – мигнул я, не сразу сообразив. – А... Нет, я не из полиции.

Меня взбудрил его вопрос – значит, он видит перед собой не каркающую ворону, а человека. Седоволосый и видящий – сомнений не оставалось, это Путевод. Грязный, неопрятный, но все-таки тот самый.

– Тогда что ты в моем доме забыл? Проваливай!

– Эй, полегче!

Да, фиалкой парень явно не был. Все ли дети теперь так разговаривают? С детьми у меня было не очень, я пожалел, что не позволил Раксакаль пойти вместо себя. Все-таки у нее одиннадцать сестер, какой опыт! Но точка невозврата была пройдена, я собрался с мыслями, чтобы сказать что-то очень правильное вроде «Не бойся, я здесь, чтобы помочь», и произнес:

– Я видел, что ты только что делал. Я здесь из-за этого.

Над ящиками показалась седая голова. Лампочки на гирлянде беспокойно мигали, и я не смог не спросить:

– Зачем тебе это? – я махнул ладонью над головой.

– Это из дома, – потупился парень.

Вся его грубость куда-то улетучилась. Понятно, напускная уверенность в себе. Я хорошо это знал – сам таким был.

– Вы знаете, что это? – спросил он, вдруг очень доверительно, почему-то показав мне руки. – Почему так получа-

ется?

– А давно это с тобой? – решил уточнить я, чтобы сопоставить даты.

– Несколько дней.

Совпадало. Предыдущий Путевод погиб ровно три дня назад. Может, Борис из-за этого повел себя так агрессивно? До этого момента такая мысль мне не приходила в голову. Ведь старый Путевод был его подопечным...

– Папа сказал, что мне все это кажется. Что я ненормальный, – парень кисло усмехнулся.

– А где твой папа? – спросил я и понял, что дал маху. Гроб, Мрак у двери – очевидно же, «где папа»! Идиот.

Парень посерьезнел и отвел взгляд. Я машинально сунул руку в карман за сигаретами.

– Ну, так что там про мои способности? Раз уж пришли, рассказывайте!

Парень снова заговорил нарочито грубо, руки сжались на груди в замок. Как же хорошо я его понимал, при этом не имел ни малейшего представления, что ему сказать. Я постарался припомнить, что говорила мне Линда в таких случаях, но разве я слушал? Все, что я мог ему предложить, – свою честность.

– Так, слушай... давай сначала. – Я закусил сигарету. Но передумал и заправил ее за ухо. – Я – Каравакс. Я – как ты. Ну, вроде как не совсем обычный.

Парень нахмурился. Бог знает, что пришло ему в голову,

я решил тут же перестраховаться.

– Давай я просто покажу, ладно?

И я «перекинулся» в звериную форму, одинаковую для всех – и для «видящих», и для «невидящих». Обыкновенная ворона. Ну, чуть потрепанная обыкновенная ворона. Если бы у меня было больше времени, пожалуй, я бы мог придумать что-то еще. Но за окном уже сгущались сумерки, еще немного – и Тени выльются на Город, как краска из перевернутой банки. Сегодня они будут особенно злыми, ведь Теневые тоже ищут Путевода. Фора светового дня стремительно иссякала, нужно было срочно убедить Путевода пойти со мной.

К моему удивлению, парень не издал ни звука. Почему-то я был уверен, что он закричит или вроде того, но он молчал, только смотрел на меня, вытаращив свои огромные серые глаза.

– Я ведь не сумасшедший, я ведь только что видел то, что я видел? – задал парень удивительно по-взрослому прозвучавший вопрос.

Я «перекинулся» обратно – голова закружилась от таких резких смен форм, я осел на ящик.

– Нет, парень, ты не сумасшедший. И эти штуки из воздуха, которые ты творишь... это тоже не твое воображение. Это твой дар. Который может очень многим помочь, если с ним как следует разобраться.

– Разобраться? – Недоверчивый вопрос, доверчивые гла-

за – парень удивительным образом балансировал на грани между наивностью и рассудительностью.

– Да. Этим можно наловчиться пользоваться. Мы – ну, то есть, такие как я, – можем в этом помочь. Если, конечно, хочешь, – не придумал я ничего лучше, хотя понимал: от желания парня тут ничего не зависело. – Этот твой дар – очень сильная штука. Он может менять жизни. Твою в том числе.

Кажется, я задел в его душе какую-то струну. Зашуршали коробки – Путевод выбрался из своего убежища, и я наконец смог его рассмотреть. Худющий, одетый в огромный бесформенный свитер и драные джинсы. Никакой обуви – босые и серые от пыли ноги. Он сгреб спутанные волосы цвета пепла в охапку за спиной, перекрутил их и отпустил. Немытые пряди остались лежать на спине канатом.

– Я не могу бросить папу, – сказал он, коротко посмотрев на фанерную стенку.

Что было ему сказать? Брось как есть, нам не до того? Открывать эту дверь уже опасно для твоей жизни? Но это были невозможные фразы, хоть и бессердечно правильные. Я метался между вариантами ответов, каждый следующий из которых был хуже предыдущего, а парень терпеливо смотрел на меня, делая эти метания просто невыносимыми.

– Это не проблема, золотце, – раздался вдруг голос. Раксакаль! Я резко обернулся и понял: она уже какое-то время слушает нас, устроившись на верхней ступеньке. – Есть кое-кто, кто может позаботиться о твоём отце.

Я посмотрел на нее в недоумении. Врет? Вот так, в наглую? Но было не похоже, чтобы Раксакаль врала.

– Это с тобой? – нахмурился Путевод.

– С ним, с ним, – закивала Раксакаль. – А вообще-то, мы с тобой уже знакомы, деточка! – Девушка театрально помалахала раненой рукой и, не дав парню ответить, продолжила: – Скоро сюда придет человек, который позаботится о твоём отце. Очень скоро. И у него будут и деньги, и возможности. Не бойся, Город так решил. Но этот человек придет вместе с полицией, так что тебе тут никак нельзя оставаться.

Слово «полиция» заставило парня вздрогнуть.

– Я только куртку возьму, – помолчав, сказал он и скрылся в противоположном углу квартиры.

Что ж, это было просто. Даже слишком. Но в этом бесконечно длинном и бесконечно безумном дне с такой кучей странных событий простота хоть в чем-то была чертовски кстати.

Я подошел к мутному окну, протер рукавом и выглянул в него. Стаи краи все еще кружили над Городом. Еще никто из них не знал, что Путевод найден. И я явственно ощутил этот миг – секунды стали такими же материальными, как комната вокруг. Сейчас во всем Городе только два Хранителя видели нового Путевода, говорили с ним – я и Раксакаль. Скоро этот изменится, этот миг сотрется, потеряет свои острые и четкие границы, как камень, на который снова и снова накатывает прибрежная волна. Но сейчас...

Я посмотрел на Раксакаль – она отгрызала от мизинца заусенец.

– Ты это сейчас выдумала? Ну, про человека, который придет к его отцу? – спросил я, мысленно готовый к утвердительному ответу.

Шушу в принципе не гнушались разных методов достижения цели, еще не столь давнее общее прошлое с Теневыми не могло так быстро перестать влиять на них. Но мне не хотелось в этом участвовать. Знание правды будто бы должно было меня оправдать.

– Выдыхай, сырник, ничего я не выдумала, – отмахнулась шушу. – Это информация из надежного источника. Баба Роза так сказала. Ну, карты ее, а они не врут, тут спорить глупо.

Я слышал про эту Бабушку Розу. Она была матерью Барона. И отличной гадалкой, действительно на удивление точно предсказывавшей будущее. Лично мы, впрочем, не общались, она почти не покидала Метро.

– И знаешь еще что?

Я вопросительно глянул на Раксакаль. Она прищурилась.

– Я сама видела этого человека.

Я хотел попросить объяснений, но вернулся Путевод – на нем была куртка, как будто сшитая из нескольких других – с синими, зелеными и фиолетовыми вставками. В ней он напомнил мне сдувшийся воздушный шарик.

– Ладно, пойдемте. Мне все равно здесь нельзя оставаться.

– Ты даже не представляешь насколько, – ухмыльнулась
Раксакаль.

5

Про себя Жене нравилось думать, что она – хороший приспособленец. Любые жизненные обстоятельства – в семье ли, в школе, в институте или вот теперь на работе – она умудрялась обращать в свою пользу. Она приезжала на работу раньше всех. Не потому, что надеялась на какую-то мифическую благодарность от начальника – этот и в офисе-то появлялся редко, – а потому что в этом было сразу несколько преимуществ.

Первое – можно было успеть поболтать с охранником. Для этого Женя по пути на работу изучала турнирные таблицы и комментарии экспертов, а когда охранник Виталий поднялся ей навстречу из будки, тут же выдавала:

– Вы смотрели вчерашнюю игру? «Анжи» – «Зенит» – ничья!

Тут главное было начать. Дальше Виталий – коренной петербуржец, которого волею судеб занесло в Москву, – сам рассказывал, кто и насколько был кривоногим, куда кому надо было бежать и куда надо было смотреть судьям. Женя включала «режим активного слушания» – кивала, внимательно глядя на Виталия, задавала уточняющие вопросы. Благодаря чему получала дружескую улыбку, всяческое расположение, ну, и бонусом разрешение парковать свой «каблук» прямо у входа вопреки действующему запрету.

Второе преимущество раннего появления на работе – успеть спокойно позавтракать. Не спеша погреть свою овсянку в микроволновке, сделать чашку кофе и выйти в диспетчерскую в тот момент, когда в маленькую кухню, рассчитанную максимум на двух человек, ринется поток из десятка невыспавшихся курьеров. Еще полчаса, когда Женя уже спокойно будет подписывать маршрутный лист и вбивать адреса сегодняшних доставок и заборов в навигатор, на кухне будут толкаться локтями, переворачивать друг на друга судочки с едой, делить полки холодильника и выяснять, кто обязан помыть фильтр в кофемашине. Женин слух отсеивал эти перебранки как шелуху, но цеплялся за любые сведения, которые могли быть полезны. Стоило кому-то заговорить о клиентах или какой-нибудь внештатной ситуации, Женя замирала и делала заметки в своем мысленном органайзере.

– Борода вон в этом БЦ на «Белорусской» без штанов бегал! – Кто-то, кажется, Семенов, рассказывал о курьере с фамилией Борода и с потрясающе подходящей внешностью лесоруба после месячной побывки на повале.

– Врешь! – раздалось в ответ.

– Ей-богу. Там рамка металлоискателя, он ее прошел и зазвенел. У него пакетов целый ворох был, он с ними как бабка на вокзале. А ему говорят: из карманов все вытряхивай, еще раз через рамку пройди, потом еще раз.

– Ну? – торопили собеседники.

– Ну и выяснилось, что ремень у него звенит. Он им: не

сниму, с меня штаны упадут! Не поверили – заставили снять. А он уже такой злой был – плюнул, ремень вытащил, а штаны держать не стал! Такой скандал был, они на нас даже жалобу накатали, мол, Борода там с голой жо бегал и штанами махал!

– Зная Бороду, вообще не удивился бы! – ответил кто-то, и все засмеялись и заулюлюкали.

Услышанного для Жени было вполне достаточно – для себя она пометила, что, если выпадет ехать на «Беларик», мелочь и прочие «звонкие» вещи она выложит в машине.

И это было третьим преимуществом: слушать других курьеров, целый день мотающихся по городу, означало быть в курсе огромного множества разных событий. В свое время это стало решающей причиной Жениного выбора временной профессии. Из скромного списка возможностей для «приезжей студентки без опыта» она выбрала разносчика посылок и документов. И тут ей повезло дважды: ее взяли автокурьером, Женины права обеспечили ей должность с чуть большим доходом, чем у обычного курьера, что, конечно же, не было лишним. А еще ее взяли автокурьером в филиал, обслуживавший Центральный округ. Женя получила возможность почти беспрепятственно изучать богатый на разные события и интересности центр Москвы по восемь часов в день, и за это ей еще и платили.

Тут уже действовал Женин профессиональный интерес: записи ложились в мысленный органайзер сразу в виде заголовков, чтобы потом быть использованными для статей в

небольшом онлайн-издании, где Женя подрабатывала параллельно с основной работой. Это был шаг к мечте, ради которой она и переехала в Москву из родного Воронежа. Карьера успешной журналистки. Да, пока она просто писала в рубрику «Новое в городе» на не самом известном сайте, а Женя мыслила себя политическим обозревателем в редакции какой-нибудь крупной газеты, но Женя рассматривала это как шаг к мечте.

«Новая кофейня на Малом Гнездниковском – уютный пряный латте сразу за шумной Тверской».

«Ночь в библиотеке: молчаливые спектакли выпускников ГИТИСа».

«Подъезд как музей: один пенсионер изменил жизнь целого дома».

Такие статьи уже легли в папку Жениного портфолио, которое она собирала для поступления в университет. Факультет журналистики МГУ был маяком для маленького, но очень уверенного корабля Жени, бороздящего бушующее море московских возможностей. Женя стала прокладывать курс к цели так же упрямо и методично, как до этого планировала переезд. У нее было полгода, чтобы обновить результаты ЕГЭ и подать документы на заочное. Так что все свободное время, даже если таковое случалось во время работы, Женя тратила на чтение учебников, предусмотрительно скачанных на телефон, и прохождение онлайн тренировочных версий экзаменационного теста. Вот и сейчас, пока

Семенов на кухне ругался с Серениным, который никогда не верил ни в какие курьезные случаи и считал своим долгом убедить окружающих, что это все выдумки, Женя читала анализ темы движения и покоя в произведении Гончарова «Обломов». Облокотившись на узкую стойку, разделяющую ее и диспетчера, девушка бодро прыгала взглядом по строчкам, дожидаясь, пока диспетчер выдаст ей маршрутный лист. Четвертое, но немаловажное преимущество раннего прихода на работу – первой получить рабочий план.

– Так, две доставки на Трехгорку, там же один забор. Еще два забора на Климашкина, остальные – доставки, и все по Тишинке разбросаны. А, ну и Бронная твоя любимая, – улыбнулась Вера, миниатюрная девушка-диспетчер, выкладывая на стойку небольшую, но явно увесистую коробку для Жени.

– Опять Бронная у меня, пешему курьеру же проще отдать! Там на машине не приткнешься! – Женя сунула телефон в нагрудный карман фирменной красной куртки.

– Алена болеет, придется тебе ее опять подстраховать, – отозвалась Галя, второй диспетчер, работавшая куда расторопнее Веры, но страдавшая от провалов в памяти. Поэтому у нее на столе постоянно грудились невыданные пакеты, недозаполненные маршрутные листы, и на нее жаловались курьеры.

– А что с ней было в прошлый раз? – Женя принялась внимательно сверять номера на посылках с теми, что значи-

лись в маршрутном листе.

– В прошлый раз у нее был отпуск, – сказала Вера, увлеченно обрызгивая спиртом клавиатуру и втирая его в кнопки.

Женя подавила в себе вопрос о том, когда Алена вообще работает.

– Эй, Жень! – окликнул девушку вышедшей из перепалки победителем Семенов. – Тебе, может, того, дотащить чего помочь?

– Спасибо, Игорь, тут не тяжело, – улыбнулась Женя.

Борода хмыкнул.

– Чудная ты, Жень. Столько работ нормальных, а ты как мужик – в грузчики почти.

– Я просто курьер, – терпеливо поправила Женя.

– А могла бы официанткой там. Или вон в книжных девочек полно, – попытался снова Семенов, но Женя деликатно его остановила:

– Спасибо, Игорь, я справлюсь. Не переживай.

Заказов было не так много. Несколько пакетов, рулоны с какими-то плакатами в пластиковой упаковке и пара небольших коробок. Женя взяла в руки одну из них, ту, что полегче, и ее большой палец провалился в нижний угол.

– Вера... – позвала диспетчера Женя, медленно вытягивая палец из угла, в котором зияла дыра с подранными краями. – Кажется, у нас на складе крыса завелась.

Верины руки замерли над обработанной клавиатурой. Де-

вушка подняла на Женю огромные глаза.

– Какая крыса? – дрогнувшим голосом спросила она.

Женя молча развернула к Вере поврежденный бок коробки – картон топорщился вокруг дырки, как лепестки вокруг полой сердцевины.

– Обыкновенная крыса, это точно ее работа! – со знанием дела сказала Галя. – У нас в деревне мамка в подполе коробки всякие хранила. Так у них у всех углы были вот так распробованы, пока она ядом их не облила. А то так бы и грызли, твари. А главное, чего им там надо было? Там даже не еда хранилась, так, хлам всякий. Им как будто картон вкусно было жевать.

Вера кашлянула – ее и без того бледная кожа стала совершенно белой. Она схватилась за трубку телефона.

– Я в клиентский позвоню, может, это не у нас коробку испортили... – сказала она, растерянно глядя на Женю.

– Хорошее дело! – сказала Галя, не смущаясь тем, что вопрос задан не ей. – А ты, Жень, сходи к Русе на склад и про крысу скажи. Надо бы проверить, а то, если вдруг все-таки она у нас, надо ловить, а то и другие коробки пожрет.

– Гал, я сейчас сам тебе все коробки пожру, если ты мне маршрутку не выдашь! – рявкнул на диспетчера уставший ждать Юра – пеший курьер с гордым номером 3415, говорившим о его немалом стаже.

Женя, работавшая автокурьером всего год, носила номер 16304, то есть до нее в компании «УрбанЭкспресс» за все

двадцать пять лет ее существования проработало шестнадцать тысяч триста три человека.

Галя со стоном вернулась к работе, Вера, сжав трубку одной рукой и теребя провод другой, стала дожидаться ответа клиентского отдела. Перехватив коробку с поврежденным углом, Женя отправилась на склад.

– Русик, дело есть! – постучалась в дверь с окошком. – Руся?

Вопреки ожиданиям, загорелое лицо с гордым орлиным носом все никак не появлялись в окошке. «Вышел, что ли?» Особо ни на что не надеясь, Женя нажала на ручку двери, и та поддалась.

Склад по обыкновению был забит. Женя приподнялась на цыпочки, но увидела только ряды посылок, сваленных на железных стеллажах. На ветру от работающего кондиционера шелестели прикрепленные к посылкам квитанции, а больше ничего слышно не было. Женя уже решила уходить, как вдруг в глубине раздался глухой звук – будто легкая коробка упала на пол.

– Русь! Ну чего не отзываешься, когда зовут?

Женя неплохо общалась с работником склада Русланом. Властелином «Прайма», как его называли старожилы компании, то есть срочных доставок. Руся был немного стеснительным, но в целом приятным парнем, всегда готовым помочь. Найти посылку или решить ситуацию с упаковкой, а если было нужно – даже помочь загрузить машину. Но, глав-

ное, Руся был пунктуальным и обязательным. Поговаривали, что у Руси непростое прошлое и что он только теперь такой правильный, а раньше был чуть ли не уголовником. Скорее всего, люди так пытались оправдать Русину сдержанность, она соблазняла на поиск двойного дна. Неплохо чувствующая людей, Женя была уверена, что это все пустое – Руся был просто хорошим парнем.

И если что ему было действительно не свойственно, то это привычка отмалчиваться, когда его зовут. Звук повторился, за ним раздался треск сухой бумаги – как будто кто-то рвал упаковку. Но Руся по-прежнему не откликнулся.

«В наушниках, что ли?» Женя двинулась вперед по складу, огибая торчащие со всех сторон углы и бока коробок. За дальним стеллажом кто-то сидел на корточках и возился с коробкой.

– Руся! – уже начала злиться Женя, сделала уверенный шаг за стеллаж и тут же недоуменно застыла.

Перед ней над коробкой склонился не Руся в наушниках, а какая-то совершенно незнакомая девушка. И Женя не могла понять, что поразило ее больше. Само присутствие незнакомки на складе, ее внешний вид – красный платок, золотые серьги в ушах, смуглая кожа, ну вылитая цыганка! Или тот факт, что незнакомка самозабвенно грызла коробку. Грызла как зверек. Упершись в коробку руками, зубами вцеплялась в картон. И жевала с таким упоением, как будто это было лучшее на свете лакомство.

Увиденное настолько поразило Женю, что она сделала шаг к незнакомке, совершенно не зная, что будет делать дальше. Незнакомка среагировала моментально. Заметив Женю, она бросила коробку и рванула в глубь склада.

– Стой!

Опомнившись, Женя выбросила вперед руку и схватила девушку за запястье. Незнакомка замерла. Она не попыталась вырвать руку, просто уставилась на Женю так, словно та совершила что-то невообразимое.

– Ты... «видящая»? – спросила она.

У нее был странный акцент, но он выдавал не национальность. Это был скорее какой-то дефект, будто ей было неудобно говорить. Или непривычно.

– Ты что тут делаешь? – Женя сжала запястье девушки. – Ты кто?

Незнакомка издала какой-то звук, похожий на писк, и вдруг с такой силой дернула руку на себя, что Женя едва не расстелилась на полу.

– Эй! А ну, стой!

Женя уже двумя руками вцепилась в девушку, на сей раз принявшуюся отчаянно вырываться. Девушка пучила на Женю огромные карие глаза и продолжала то ли пищать, то ли сипеть.

– Женя? – раздался голос Руси на пороге склада.

– Руся, у тебя тут воры! – крикнула Женя, бросив назад короткий взгляд.

И тут пальцы точно ошпарило – сжатое в руках Жени запястье начало стремительно уменьшаться. И когда Руся поравнялся с Женей, он увидел, как в руках девушки бьется серая крыса.

– Да ты, Жень, крысолов! – усмехнулся Руся.

Но Женя не смогла ему ответить. Пальцы девушки невольно разжались, и крыса выскользнула, быстро исчезнув под стеллажом.

* * *

Красные кирпичные стены, за два года успевшие стать родными, остались позади, «Чупа-чупс» с некогда громкой надписью «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» тоже проводил Женю тоскливым взглядом. В рюкзаке Жени лежали забранные из университета документы, а впереди была только надежда и полная неизвестность. На первый взгляд, вполне дружелюбная.

Женя шла домой по набережной – пешком путь не близкий, почти два часа, и это бодрым шагом. Но день стоял летний, солнечный, и Жене хотелось нагуляться по родным улицам, чтобы запомнить их именно такими – приветливыми, ободряющими своей теплотой.

На набережной никого не было, только впереди показалась стайка собак. Они трусили в Женину сторону. Девушка не перешла на другую сторону дороги и даже не замедли-

ла шаг – таких стай в ее городе было полно, и Женя хорошо отличала враждебно настроенных псов от тех, что просто спешили по своим делам. Стая, как она и ожидала, просеменила мимо – белый, за ним двое рыжих, только черный задержался у Жениной сумки на мгновение, подергал носом, но, поняв, что там нет ничего интересного, поспешил за своими. Женя улыбнулась – такая мелочь сегодня казалась ей какой-то очень родной. Девушка обернулась, стремясь продлить странное чувство, но собаки уже пропали. Только быстрым шагом удалялась откуда-то взявшаяся компания в пыльных неформальных одеждах – рыжая девушка и рыжий парень в одинаковых косухах, черноволосый юноша, с любопытством озирающийся по сторонам, и широкоплечий мужчина в джинсовой куртке, возглавлявший шествие (его белые волосы рваными парусами развевались на ветру).

Набережная уперлась в мост, проехавшая мимо легковушка на миг оглушила Женю битами из вывернутых на максимум колонок.

Девушка узнала владельца – он жил в соседнем доме и регулярно мыл коврики машины прямо во дворе. Щедро поливал их из шланга, протянутого в окно собственной квартиры на первом этаже. Женя вздохнула. Она будет скучать. Скучать по тому, что узнает случайных людей на улице, по тихим набережным, по почти вертикальным улицам, где зимой можно было легко спуститься, сев на ледянку, но почти невозможно взобраться назад. По клубу, куда в школьные

годы она сбегала с подружками и часами мерзла в очереди, надеясь перехитрить бдительную охрану. Даже по праздникам шатающимся стаям псов. Она будет скучать.

Мама встретила Женю в дверях. Без слов поняла, что дочь сделала окончательный выбор, вздохнула и, ничего не сказав, ушла на кухню. Женя прошла следом и какое-то время просто смотрела, как мама занимается будничными делами. Ставит чай, вытирает клеенку на столе, прежде чем поставить на нее чашки. Мама всячески избегала зрительного контакта с дочерью, и тогда Женя, не выдержав, спросила:

– Ты расстроилась?

Мама перестала суетиться, осела на табуретку, накрутив на руки полотенце.

– Ну что ты, – наконец подняла глаза на дочь женщина. Она даже попыталась улыбнуться. – Я просто... – Она поджала губы. Не привыкшая говорить о своих чувствах, мама Жени едва могла подобрать слова. – Ну как ты там одна, в Москве этой?

– Ну как же одна! – Женя села напротив мамы. – А Андрей?

– Андрей! – грустно усмехнулась мама, вытянув из полотенца ниточку и намотав ее на палец.

– Не образцовый сын, согласна. И брат из него так себе. Но мы же не чужие друг другу люди! Не выгонит же он меня, в конце концов? – усмехнулась Женя, изо всех сил стараясь верить в собственные слова.

– Ты ему хоть звонила? – Мама посмотрела на Женю с таким отчаянием, что та не решилась сказать правду.

– Мам, – Женя придвинулась ближе, – все нормально. Я не он. Я не собираюсь пропадать на бог знает сколько лет. Честное слово. Мы всегда будем на связи, я буду тебе звонить каждый вечер, обо всем рассказывать. Ты меня навещать приедешь, как я устроюсь!

Мама положила руки на стол, и Женя накрыла их своими. Загрубелые от постоянной стирки и уборки, с выступившими венами на блестящей тонкой коже, но такие родные и самые красивые на свете руки. Женя не заметила, когда мама успела состариться. Среди черных волос, точно разметка, появились белые пряди. Глаза стали меньше и поблекли, стали как утренний свет в тумане.

Андрей уже не застал такую маму. Он не видел ни ее, ни Женю уже много лет. А ведь начиналось все так хорошо.

Мама Жени с детства внушала обоим детям, что жизнь одна и ее возможностями надо пользоваться. Ни в коем случае не сидеть на месте. Все детство Андрей и Женя провели в кружках и на дополнительных занятиях, мама находила для них лучших учителей, поощряла их любопытство и самостоятельность.

Так что решение Андрея ехать в Москву мама встретила с большим энтузиазмом. Она им очень гордилась.

Женя тоже гордилась старшим братом, едва ли не сильнее, чем мама. Он был для нее живым подтверждением того, что

в жизни можно достичь всего, стоит только постараться.

В то время как однокашники Андрея растили пивные животы и не самых запланированных, а потому не очень любимых детей, прели на скучных работах «куда взяли» и коротали вечера в интернет-казино, Андрей оставался подтянут, холост, амбициозен и упорно прокладывал себе путь в столицу.

Поэтому его отъезд для семьи не был сюрпризом, а скорее логичным вознаграждением за все старания.

Когда Андрей уезжал, мама сказала: «О нем еще напишут в газетах!»

– Я напишу! – вызывалась Женя, уже тогда четко знавшая, кем хочет стать.

– Конечно, – улыбнулась тогда мама.

Казалось, все шло идеально. Но жизнь внесла неожиданные коррективы.

Андрей сначала часто звонил, приезжал на все праздники и дни рождения. Они все вместе, как и раньше, ходили на рынок – выбирали самые свежие продукты, готовили, ловко двигаясь по скромной кухне. Андрей привозил Жене красивую одежду, книги с биографиями известных людей, даже подарил телефон, узнав стоимость которого мама долго охала и умоляла дочь не носить его в школу.

– Там уже есть мой номер, звони когда хочешь! – сказал Андрей.

И они созванивались. Жене Андрей первой рассказывал,

каково жить в столице, как душно в метро и какие толпы людей на улицах. И вокруг столько всего потрясающего, что кажется, жизни не хватит попробовать каждую вещь. Однажды рассказал, что встретил хорошую девушку, обещал приехать с ней в ближайшее время, просил подготовить мать к визиту.

Мама новости сначала обрадовалась: сын отхватил московскую невесту! Но когда девушка перешагнула порог дома, мамин энтузиазм поутих. Девушка была как будто не от мира сего. Выглядела болезненно, смотрела как-то туманно, будто поверх вещей, дела до конца не доводила. Могла пропасть в мыслях во время резки салата и так и остаться – глядя в пустоту, с занесенным над овощами ножом. Когда мама пыталась привлечь ее внимание, девушка просто выходила из комнаты. Она мало говорила, а когда говорила – хмурилась, пряча глаза, будто звуки собственного голоса ее мучали. Встречных вопросов она не задавала, даже на явно обожающего ее Андрея смотрела, как казалось маме, равнодушно.

Мама прозвала ее морфинисткой и все порывалась поговорить с Андреем о том, что с его избранницей явно что-то не так. Но тот так ухаживал за ней, с такой нежностью отмечал все, что она делала, будто она была ему даже не девушкой, а дочерью или беззащитным зверьком, о котором только он, Андрей, в состоянии был правильно заботиться. У мамы так и не хватило духу поделиться переживаниями с сыном.

Андрей с «морфинисткой» быстро уехали. Андрей сказал,

что оставаться здесь его девушке невыносимо, что она «к такому не привыкла». Мама так и не поняла, чем они с Женей не угодили гостю. Ведь ради Андрея они честно терпели, пытались всячески развлечь, больше не просили помогать с обедом или ужином и вообще старались лишний раз не беспокоить.

Андрей не объяснил – с тех пор он просто больше не приезжал. В разговорах по телефону ссылаясь на дела, на занятость на работе. Мама изо всех сил старалась верить, хотя Женя видела: мама на самом деле прекрасно понимает, в чем истинная причина отстраненности сына.

Скоро Андрей почти перестал звонить, только писал Жене.

Из коротких и сухих, как справка в энциклопедии, сообщений мама и Женя узнали, что Андрей все-таки женился на «морфинистке», а через какое-то время у них родился сын. Мама обрадовалась, надеясь, что уж внука-то ей точно привезут показать, даже сама собиралась в Москву. Но Андрей прислал эсэмэску «Не надо. Не приезжайте» и пропал окончательно.

Мама поспешила вернуться к чайнику.

Женя понимала ее опасения. Сейчас она, Женя – тот же Андрей семнадцатилетней давности. Но это сравнение было невыносимо, Женя гнала его от себя как могла.

«Я такой не стану, – пообещала тогда Женя самой себе. –

Я такой не стану».

* * *

Раксакаль пронеслась по узким тропкам между рельсами, нырнула сквозь прутья сливной решетки в желоб, скатилась по нему, как по отвесной горке, и по проводам вдоль тоннелей метро попала прямо на Площадь. Другие шушу, занятые будничными делами, не обратили на нее никакого внимания.

– Ракса, тебя Мать искала! – только и сказал ей один из шушу, перебиравший в мешке разноцветные пуговицы.

Раксакаль отмахнулась.

– Потом! Где Бабушка Роза?

– У нижнего костра только что была, – ответил шушу, рассматривая голубую пуговицу, похожую на кристаллик. – Ругалась, что ты все еще ей картонный клей на брагу не принесла.

Раксакаль не стала отвечать – быстро пересекла Площадь и прыгнула в открытый люк, на котором красной краской были изображены языки пламени.

– Ты видела ее, – услышала Раксакаль, как только встала на ноги.

У большого костра, разведенного у дальней стены комнаты, где оказалась девушка, сидела старушка. Издалека она напоминала грудку разноцветных тряпок, и только пламя выхватывало среди пестрых складок смуглое лицо, испещрен-

ное морщинами. Узловатые пальцы держали в руках потрепанный бумажный прямоугольник. С него на Раксакаль смотрела девушка, расставившая руки между двух колонн.

– Эта та, что на складе, что ли? Видела, насилу ноги унесла. Кто она? Просто «видящая»? – спросила Раксакаль, подбираясь поближе к костру и вынимая из кармана горстку картонных стружек, которые ей все-таки удалось собрать.

Старушка сгребла стружки и бросил в плоский казан, булькавший на огне.

– Не просто, яхонтовая. Она имеет прямое отношение к Путеводу. И думаю, еще себя покажет. – Острые глазки старушки впились в изображение на карте.

– Путеводу? – Раксакаль прослушала вторую часть предложения. – Он же помер!

– Тот – да, так новый есть, – усмехнулась старушка, тасуя колоду.

– Уже? – Раксакаль вскочила, сердце в предвкушении заколотилось.

– А ты сходи к отцу, спроси, – хитро глянула на нее старушка, медленно вынимая карты из колоды и раскладывая их перед собой. – Я пока погляжу, что там за Путевод...

Но Раксакаль уже не слушала – она в один прыжок взлетела по лестнице обратно на Площадь.

6

Женя стояла в пробке, рассматривала город сквозь лобовое стекло и старалась не думать о том, что видела на складе. Предстоял целый день, терять рабочий настрой никак было нельзя. Женя убеждала себя, что всему виной нехватка сна и большая нагрузка.

Накрапывал дождь, по радио обещали сильный ливень после обеда. Дворники лениво размазывали мелкие водяные бусинки, в которых город расщеплялся на множество своих миниатюрных копий.

Когда Женя впервые приехала в Москву, моросил такой же дождь. А она точно так же глядела на город, но только в окно поезда. Когда тот с тяжелым вздохом остановился у платформы, Женя вышла одной из первых. И вдохнула новый для нее воздух. Пахло совсем не как дома. Запах был многогранный, тяжелый. Но по-своему бодрящий.

Накинув капюшон на голову, Женя стащила тяжелый чемодан со ступеней вокзала. Заволокла его в подземный переход, старательно игнорируя настойчивые предложения таксистов, и там снова попыталась дозвониться до Андрея. Набрала уже заученный номер. «Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети», – вновь раздалось в трубке.

Женя с досадой сбросила звонок.

Мимо неслась равнодушная толпа. Женя помнила рассказы брата, что людей в Москве много, но чтобы их было так много! Казалось, весь город собрался в одном месте. Женя засмотрелась на мельтешивших людей, и ей на миг показалось, что стоит еще так постоять, и толпа ее затянет. И не будет больше никакой отдельной Жени, будет только безликий поток из смешанных фрагментов ее жизни и чужих мыслей и эмоций. «Соберись!» Женя мотнула головой, вбила в навигаторе адрес брата и выглянула из перехода.

– Эй! – окликнула она одного из таксистов, показавшегося девушке наиболее безопасным. – За сколько довезете вот сюда? – И ткнула пальцем в экран телефона.

Теперь Женя часто проезжала этот дом. Добротную кирпичную высотку, смотрящую сразу на четыре важных стороны – на Патриаршие пруды, на Садовое кольцо, на Кремль и на Новый Арбат. Конечно, не все из этого было так близко, как Женя тогда себе представляла. Районы Москвы словно миражи в пустыне – смотришь: словно рукой подать, но стоит начать путь, как они отдаляются. И путь, казавшийся легкой прогулкой на пару минут, оказывается настоящим испытанием в полчаса, а то и час. С непонятными переходами, противоречивыми знаками и названиями улиц, будто нарочно спрятанными за балконами и коробами кондиционерных вентиляторов.

Теперь, когда Женя пообвыклась, изучила все маршруты,

разобралась с навигацией и парковками, запомнила все секретные дворы вокруг бизнес-центров, где можно было на короткое время бросить машину, ей стало гораздо легче.

Но тогда, сидя в серебристом корейском седане с небрежно наклеенными шашечками, она удивлялась, как вообще поездка из центра в центр может занять столько времени.

Она узнавала достопримечательности, виденные в фильмах, и улицы, известные по рассказам брата, по его же фотографиям определила нужный дом и даже смогла пройти в охраняемый двор, назвав свою фамилию. В подъезде показала охраннику паспорт и спросила, в какой квартире живут люди с такой же фамилией.

– Жили такие раньше, – ответил охранник, возвращая Жене паспорт. – Но уже давно не появлялись. Может, съехали.

– Съехали? – моргнула Женя, сжимая ручку чемодана. – И куда?

– Вот этого не знаю, – пожал плечами охранник. – Не моя смена была. Напарник вроде говорил, отец мальчика увез куда-то.

– Увез... – Женя подумала о племяннике. Она никогда его не видела вживую, только на фото. Пролистала в телефоне фотографии, которые когда-то присылал брат. – Этот мальчик, да?

С экрана телефона глядел сероволосый ребенок.

– Он, да. Только тут он у вас помельче. Вообще, он чудной

был. Серенький такой, как мышь. Вроде болезнь какая-то.

– Нехватка меланина, – на автомате ответила Женя.

– Но вот у них вся семья странная была... – кивнул охранник. – Мальчонку жалко, конечно, не думаю, что ему там хорошо жилось. Женщина так почти из дома не выходила, у нее вроде как не в порядке было с этим... – Охранник покрутил ладонью у виска. – А Андрей Владимирович возвращался поздно всегда, явно не до сына было. А когда жена умерла...

– Жена умерла? – вздрогнула Женя.

Перед ее глазами всплыла картина: бледная «морфинистка» в мамином любимом фартуке сидит на их маленькой кухне в Воронеже и слабыми движениями режет морковь на неровные кружочки.

– Ну да. Тут столько народу собралось... в общем, думаю, Андрей Владимирович плохо это все пережил, – продолжал делиться собеседник. – Запил он после всей этой истории. Крепко запил. Я его, бывало, в лифт заводил и на этаже высаживал. Даже дверь открывал – он ключами в скважину попасть не мог!

– А потом просто исчез? С сыном? – уточнила Женя, записывая все в свой мысленный органайзер.

– Да говорю ж, не моя смена была, – с долей досады сообщил охранник. – А товарищ такое не отслеживает – ему лишь бы чужих не было или там драк каких-нибудь...

– Понятно, – Женя спрятала телефон в карман. – Что ж,

спасибо вам большое за помощь!

Она уверенно развернула чемодан к выходу из подъезда.

– Погодите! – Охранник с грохотом открыл выдвижной ящик в столе. Порылся там и вынул из недр ключей и записок помятую визитку. – Вот. Это с работы его. Может, там что знают? Вы позвоните им!

– Спасибо, – улыбнулась Женя, пряча визитку в карман.

Визитка сохранилась до сих пор. Мягкий прямоугольничек выглядывал из специального кармашка на козырьке автомобиля. Женя сама не очень знала, зачем возила его с собой. Может, потому, что эта визитка была личной вещью брата. Для Жени это был образ Андрея, отпечатанный на бумаге, – успешный человек, владелец собственного рекламного агентства. Данные на визитке были бесполезными уже тогда, когда Женя в обнимку с порядком надоевшим чемоданом приехала по указанному адресу и узнала, что Андрей покинул должность. Где его искать, девушка с ресепшн, конечно, не знала.

И все же Женя не теряла надежду. Как эта визитка, заткнутая в козырек, надежда наотрез отказывалась признавать бесполезность собственного существования. И продолжала колесить с Женей по городу.

Андрей не мог просто пропасть, он где-то есть, где-то в этом огромном городе, требовательном и принципиальном, вечно голодном, а потому пожирающем людей, дома и даже

соседние области, делая их собой. И в то же время манящим, сулящим успех и славу, если тебе удастся произвести на него впечатление.

Женя не собиралась сдаваться.

Как и предупреждали метеорологи, после двух на город обрушился ливень. Улицы немедленно встали в пробках, что тут же сорвало все сроки доставки. Женя использовала появившееся свободное время, чтобы осилить еще несколько глав из учебника.

Закрывать все пункты маршрутного листа удалось только под поздний вечер. Настоявшись в пробках, напрыгавшись с конвертами и посылками по затопленным улицам, Женя, совершенно вымотавшись, вернулась в филиал.

Она оставила машину на парковке, и усталое метро понесло ее до уже ставшей родной станции.

– Насть, это я, – отперла Женя дверь в квартиру.

Она бросила ключи на полку у зеркала, нащупала выключатель на стене, и узкий коридор озарился теплым светом. Коридор тонул в бордово-золотистых обоях, испещренных царапинами и надрывами, которые хозяйка квартиры упрямо не разрешала переклеить. «Они прекрасно сочетаются с кремовой кухней и паркетом. Он, кстати, настоящий, с ним поосторожнее!» – говорила женщина неопределенного возраста и крупной комплекции, облитой духами так обильно, что даже после ее ухода запах в прихожей стоял еще несколько часов. Заходила хозяйка редко, но уж когда заходила, то

тщательно инспектировала пол, сантехнику и чехословацкую стенку в гостиной на предмет повреждений. Иногда, в особом расположении духа, она рассматривала еще оставленный на верхних полках хрусталь и статуэтки балерин и фигуристок из фарфора. Забрать все это с собой женщина почему-то отказывалась.

И, хотя это порядком раздражало, приходилось терпеть: ведь за такие деньги квартира в сталинском доме в университетском районе была настоящим подарком. К тому же Жене повезло и с соседкой.

С Настей Женья познакомилась через фейсбук, где год назад написала, что ищет квартиру в Москве.

Настя, приехавшая из Суздаля, очень напоминала тех девушек, о которых писали классики XIX века. Она вполне могла принадлежать какой-нибудь купеческой семье строгих правил. Чистое лицо, напоминавшее лунный диск, округлые формы, скромно спрятанные в закрытой одежде неброских цветов, и густые черные волосы, поделенные на прямой пробор и кренделями собранные на голове.

Когда Женья захлопнула за собой дверь, Настя появилась на пороге кремовой кухни с книгой в одной руке и с телефоном в другой – кажется, единственным, что выдавало в ней Женину современницу.

– Ты поздно. Будешь ужинать? Я картошку с сыром запекла, там много получилось.

– Буду, – кивнула Женья, стягивая с себя ботинки, носы

которых все же не справились с напором воды. – Устала как сволочь.

– Понимаю.

Настя вернулась на кухню, где в свете настольной лампы белели страницы других книг и тетрадей, испещренные зарисовками мышц и латинскими названиями. Рисовала Настя довольно неплохо, так что Женя иногда невольно засматривалась на ее иллюстрации к конспектам.

– К занятиям готовишься? – Женя сунула в микроволновку тарелку с ароматной картошкой.

– Пытаюсь. Завтра будем крыс препарировать, – сказала Настя, погружаясь обратно в книгу.

Крыса. Утреннее происшествие встало перед глазами, такое явное, что Женя невольно посмотрела на свою руку. Пальцы почти физически ощутили загорелое запястье, в мгновение ставшее маленькой лапкой.

– Все хорошо? – подняла голову Настя.

– Да вот думаю, ты права. Помнишь, ты сказала, что энергетика – плохая идея? И что мне нужно выспаться?

Настя кивнула.

– Думаю лечь пораньше. И никаких энергетиков на ночь, – сказала Женя, уверенно насыпая в чашку две полные ложки кофе.

Ботинки, венок, куртка и плюшевая игрушка – вот и все, что Путевод забрал из квартиры.

– Папин подарок! – сказал он, когда я покосился на нечто, показавшееся мне черным комком тряпья.

Вид у того, что оказалось черным псом, был плачевный. На лапах и хвосте шерсть свалаялась, будто пес частично полинял, а в области швов протерлась настолько, что стала почти прозрачной, с трудом удерживая внутри комковатую набивку.

– Зовут Лето.

– Лето. Осенью. Это всегда кстати, – усмехнулся я.

С противным писком дверь подъезда распахнулась, мы вышли на улицу. И дружно замерли в удивлении. С неба крупными медленными хлопьями падал снег.

– Так рано в этом году? Ничего себе... – Раксакаль подняла ворот куртки.

– Пепел, – шепнул Путевод, потупив взгляд.

– Пепел? – не сдержала улыбки Раксакаль. – Ну и ассоциации у тебя.

Путевод не ответил – только перехватил поудобнее плюшевого Лето.

С дерева к нам черной стрелой метнулась Гретта.

– Все спокойно? – спросил я, когда она «перекинулась».

– Пока да, во всяком случае, никакой подозрительной активности я не видела. Видела Горация: он сказал, что Линда велела вести Путевода на собрание Совета.

– Где оно на этот раз?

– Гораций сказал, в Зеркальном Доме.

Я опасался это услышать.

– Твою ж. Далеко! Сожрут нас к чертовой матери, пока доберемся.

– Тоже мне, проблема! – отмахнулась Раксакаль. – Пройдем через Пути.

– Только не Пути! – взмолилась Гретта. – Там же Тьма буквально в затылок дышит! Это же мы Путевода Теням практически на блюдечке подадим!

– Чушь какая, Пути надежно охраняются! Теневые уже много лет не нарушали наш покой, а от Теней амулеты через шаг висят! Да и еще патрули имеются! А вот на Улицах мы как на ладони! – парировала Раксакаль.

– Каравакс? – Гретта с надеждой взглянула на меня.

Идея пользоваться Путями мне тоже не нравилась, от одной мысли окунуться в крошечную Тьму тоннелей метро у меня по спине прошел холодок. Но в чем-то Раксакаль была права. Ночью на Улицах города было куда опаснее, чем на подвластной шушу территории. Если не на Теневых, то на Теней мы точно нарвемся. Нас засекут и позовут подкрепление. И тогда конец.

Я вспомнил про Бориса. Нашли ли его?

– Выбора нет. Придется, – ответил я.

В ответ Гретта только поджала губы и отвела взгляд. Я глянул на Путевода – тот смотрел в окна квартиры, откуда мы только что ушли.

– Пока! – сказал он тихо.

Раксакаль перемещалась по опустевшим дворам быстрыми перебежками. Неслась вперед, крутя головой по сторонам, как флюгер в сильный ветер. Замирала на миг, втягивала носом воздух, прислушивалась то ли к окружению, то ли к себе, и снова бросалась вперед. Мы едва за ней поспевали, а вот у Путевода, кажется, не было проблем – он будто был рад бежать хоть весь день. Город провожал нас сотнями встревоженных глаз-окон, от стен веяло холодом, Дома дребезжали, почти требовали, чтобы мы искали укрытие.

Гретта бросала назад панические взгляды: ее личный кошмар, пережитый несколько лет назад, явно всплыл в памяти и теперь уничтожал ее самообладание. Уверен, она опять вспоминала те несколько часов на заброшенной вышке, когда Тени были так близко, что спасение иначе как чудом назвать было нельзя. Но ее страх удивительным образом помогал мне подавлять мой собственный.

Раксакаль же вообще не было страшно. Она неслась между Домов, целеустремленная и ужасно собой довольная.

– Ну, живее, копуши, вход на Путь уже совсем рядом, я чувствую! – Ее улыбающееся лицо на миг появилось из-за очередного поворота и снова скрылось.

– Как выглядит вход? – окликнула ее Гретта.

Она почти выбилась из сил. Бегать так, как шушу, могут

разве что кеди, и то я бы два раза подумал, на кого ставить.

– Как ВША! – донесся до нас ответ.

Раксакаль уже почти пересекла парковку и, ловко огибая машины, уверенно прокладывала путь к арке в одном из соседних домов.

– Как что? – крикнула Гретта.

– Вентиляционная шахта, ну!

Раксакаль остановилась, дожидаясь нас у входа в арку.

– Охренительно просто, – выругался я.

Гретта метнула на меня осуждающий взгляд.

– Потерпите. Другого безопасного входа на Пути все равно рядом нет! – ухмыльнулась Раксакаль, когда мы наконец поравнялись.

И она снова бросилась вперед. Оказавшись в центре следующего двора и оглядевшись, она вдруг издала радостный крик:

– Нашла!

В самом центре двора, на детской площадке, возвышалось зеленое сетчатое строение, чем-то напоминавшее клетку.

Раксакаль радостно понеслась к нему, явно чувствуя себя победителем. Когда мы догнали ее, Раксакаль крутилась вокруг строения, что-то разыскивая.

– Мне нужно убедиться, что этим входом на Пути безопасно пользоваться, – пояснила Раксакаль.

Ее пальцы скользили по шершавой поверхности стен до тех пор, пока не наткнулись на едва заметное углубление –

небольшую пробоину в штукатурке. Нашупав там что-то, девушка расплылась в довольной улыбке.

– Прекрасно! Мы можем здесь пройти! Сейчас только проверю, нет ли каких незваных гостей.

С этими словами шушу «перекинулась», взлетела по сетчатой стене и юркнула внутрь между прутьев под крышей.

Некоторое время мы стояли одни. Гретта опасливо озиралась, а я сосредоточенно слушал, но надеялся, что ничего такого не услышу. Путевод молча переводил взгляд с меня на Гретту. Возможно, ему передавалось наше волнение – говорят, дети такое хорошо считывают. А возможно, он тоже чувствовал их – Теней, постепенно выливающих в полумрак Улиц. Во дворе пока ни одной не было, но, еще с момента, как мы вышли из Дома Путевода, я знал: они рядом. Они нас обнаружат – это лишь вопрос времени.

– Ну куда она провалилась... – прошипела Гретта, напряженно глядя на венткиоск.

Налетел ветер, снег смерчем взвился в воздух, Дома вокруг отозвались тихим стоном.

Рядом. Совсем рядом.

Щелчок в двери венткиоска заставил меня подпрыгнуть. В проеме показалось улыбающееся лицо Раксакаль.

– Тишь да гладь! – сообщила она, распахивая дверь шире. – Можем идти. Прошу!

И она отошла от прохода, пропуская нас внутрь. Мы с Греттой колебались. Раксакаль нахмурилась.

– Да ну ладно, серьезно? Все, пути назад нет уже, пошли!

– Ты уверена, что мы сможем пройти? – Гретта взглядом указала на Путевода.

– Да, – твердо сказала Раксакаль. – Я попросила у Города дать Путеводу Разрешение пройти на Путь. И он согласился! Без вопросов согласился, – заверила она.

– И люди не узнают о том, что мы там? – все еще сомневалась Гретта.

– Именно для этого и нужно Разрешение Города, разве нет? – склонила голову на бок шушу. – Ну, пошли уже, холодно!

Гретту, как и меня, все это не особенно убедило, но выбора и вправду не было. Гретта перешагнула порог и помогла Путеводу войти. Я подстраховал их.

Сразу за дверью в порог упиралась небольшая железная площадка с перилами и лестница, уходящая вертикально вниз. Снизу тянулся теплый воздух и характерный запах пыли и смазки для рельсов.

– Красота, да? – Раксакаль заперла за нами дверь – в ее руках блеснула отмычка, походившая на клык животного. Заметив пристальный взгляд Гретты, она помахала клыком перед ее носом. – От таких дверей даже у край отмычек не водится, мм?

– Конечно, ведь когда-то шушу украли у нас как раз такую отмычку! – скрестила руки на груди Гретта.

Раксакаль это только позабавило.

– Велика обида, это еще до Союза было. А вообще, чего ты? Сплошная же выгода! Мы работаем спокойно, и у край меньше мороки, все равно вы подземелья не любите.

– Воровка рассказывает хозяину о том, как классно быть обворованным! – фыркнула Гретта.

– А какой хозяину толк от вещи, которой он пользоваться боится! И вообще, у нас, у шушу, у каждого по одному экземпляру отмычки! И никакой беготни хвостиком за каким-то там предводителем отряда!

Я, будучи «каким-то там предводителем», пропустил ее слова мимо ушей. Ее это расстроило.

– Короче, – помрачнела Раксакаль, – нам вниз, смотрите аккуратнее!

Она перемахнула через перила. Уперлась в тетиву лестницы мысками и легко соскользнула вниз.

Путевод схватил меня за рукав.

– Не бойся, мы по лестнице нормально спустимся, – попытался ободрить его я.

– Темно там, – с плохо прикрытым беспокойством ответил Путевод.

– Внизу светло, просто вам загораживает труба, вы не видите, – раздался голос Раксакаль. Где-то внизу она спрыгнула с последней ступени лестницы. По вентилях гулко разнеслось эхо ударивших о землю каблучков.

– Спокуха, попробуем вместе, – предложил я, ступая на лестницу.

– Я вообще очень спокоен! – бессовестно соврал Путевод.

Он перешагнул на лестницу вслед за мной и принялся осторожно спускаться. Я видел, как он неуверенно переставляет ноги, как побелели костяшки на его руках. Он жался к вертикальной лестнице всем телом и старался не смотреть вниз.

– Нам точно сюда можно? – тихо уточнил он.

– Сюда – можно, – продемонстрировала чудеса слуха Раксакаль. – Если Путь работает – то можно. Поэтому так важно проверить это до спуска.

– А как понять, работает или нет? – снова спросил Путевод, сосредоточившись на своих движениях.

– Зуб найти, – отозвалась Раксакаль. – Если он на месте – значит, за входом присматривают.

– Какой зуб?

– Золотой зуб. – Шаги Раксакаль удалились, и ее голос стал тише. – Так шушу отмечают надежные входы. Зуб дают.

Кажется, это удовлетворило любопытство Путевода.

Мои ноги коснулись пола, Путевод спустился следом и тут же снова схватил меня за рукав. Мы поднырнули под узкие трубы, действительно загораживавшие проход к лестнице, и оказались в тесном коридорчике. Коридор был опутан проводами и уставлен щитками. Все одинакового серо-зеленого цвета. Пыль мшистым слоем выросла на всем вокруг, сглаживая углы и края. Свет и без того тусклой лампы рассеивался в этой мягкости, придавая всему какую-то особую красо-

ту. В конце коридорчика оказалась еще одна лестница вниз, но на этот раз – с пролетами. У перил стояла Раксакаль и со всем возможным для нее терпением ждала, пока мы будем готовы продолжить путь.

И вот над этой лестницей точно было темно. Ничего опасного, впрочем, я там не чувствовал, обычный Мрак, ничего такого. Но это был вход в царство Тьмы. Как только мы спустимся по лестнице, мы полностью попадем во власть судьбы и случая. Окажемся в вечно черных коридорах, не знающих дневного света. Внезапно мне так захотелось обратно к Небу! Все же Раксакаль права: края под землей делать нечего. Тем более края – никтофобу. Позор, а ведь предводитель отряда!

Угнетало все: и стены, будто становившиеся ближе друг к другу с каждой секундой, и ощущение Тьмы внизу, и воздух, наполненный равномерным гудением, которое так давило на уши, что казалось, теперь я всегда буду слышать только его.

– Как мы доберемся до Зеркального Дома? – спросила подоспевшая Гретта.

Ее голос выдернул меня из болота собственных предчувствий.

– На поезде, конечно! – спокойно улыбнулась в ответ Раксакаль.

– На поезде? – сдержанно уточнила Гретта. – И как мы на него проберемся? Путевод же человек. И он не сможет в случае опасности принять облик животного и избежать про-

блем.

Раксакаль озадаченно посмотрела на Путевода. Кажется, до этого момента такая мысль просто не приходила ей в голову. Путевод посмотрел на меня. Почему-то на меня.

– Ты не подумала, да? Город позволил нам войти, но какое Разрешение не защитит его, если нас обнаружат «невидящие»! Его присутствие здесь – вообще-то, нарушение человеческих законов, – начала раздражаться Гретта.

Раксакаль задумчиво посмотрела на Путевода. И промолчала.

– Seriously, у тебя не было плана?!

Я незаметно тронул Гретту за запястье. Она метнула на меня гневный взгляд, но все поняла. Отвела взгляд. Раксакаль молчала, сосредоточенно что-то обдумывая.

– На резерве доедем, – вдруг произнесла она. – Это пустые поезда, мы на таких товар возим.

Это не убедило Гретту.

– Даже на этот поезд надо как-то попасть. Человек не сможет проскользнуть на него незамеченным!

Тут уже Раксакаль пошла в ответную атаку:

– Ну чего ты заладила: человек-человек! Сказано же, у нас Разрешение Города есть! Это тебе не просто фигня какая-то. Если Город его дал, значит, готов нам помогать во всем! Во всем, понятно тебе? А это значит, что как-нибудь и человека пристроим, и вообще все хорошо будет!

Гретта отвернулась, вцепившись в подол платья так, слов-

но пыталась задушить ткань руками.

– Не переживай так, – смягчилась вдруг шушу. – Город не даст Путевода в обиду. – И она поспешила вниз.

Бесконечная вера Раксакаль в Город заслуживала уважения, но я понимал опасения Гретты и до какой-то степени разделял их.

– Возвращаться поздно, – мрачно сказала она, скорее самой себе, чем кому-то из нас.

И, взяв Путевода за руку, повела к лестнице. Тот даже не стал возражать, отпустил мой рукав и покорно пошел следом за ней.

Я бросил прощальный взгляд наверх. Сквозь прутья в вент-киоск залетали мелкие снежинки. «Ну, увидимся через пару часов, Небо», – подумал я.

Путь вниз занял чертову вечность. Наши шаги выбивали мерную дробь по стальным ступеням, очертания которых были едва различимы в свете красных аварийных ламп. После очередного пролета я даже начал улавливать в этом ритм музыки.

Очевидно, Разрешение Города и вправду нас охраняло. Вопреки моим ожиданиям, ни сигнала тревоги, ни охраны, ни просто каких-то препятствий на пути все не возникало. Но Разрешение не было панацеей, оно было шансом – в случае неправильного использования от неприятностей тебя ничто не могло защитить. Оставалось только надеяться, что по-

ка мы все делаем верно.

Раксакаль, судя по бодрому шагу, подобные мысли не беспокоили – она была в своей стихии, твердо верила в магию Разрешения и чувствовала себя вполне комфортно.

Путевод шел молча, аккуратно переступая со ступени на ступень. Я подумал, что в Городе полно людей, которые сейчас отдали бы что угодно, чтобы оказаться на его месте. Мы называли их незванцами за непреодолимую тягу попасть туда, куда их не звали, – в заброшенные здания, в подсобные помещения метро, в канализацию. В темные дебри, проникновение в которые сопряжено с самыми разными рисками для жизни и психики.

От других шушу я слышал, что незванцев на самом деле заманивают Теневые. Поэтому их несет туда, где много Тьмы.

Всех подробностей я не знал, да и, признаться, был рад этому. Иначе сейчас это знание уничтожило бы остатки моего самообладания, и так висевшего на волоске.

Гретта, шедшая между мной и Раксакаль, тоже молчала. Иногда она оборачивалась на меня; ее лицо было мрачно. Видимо, она все еще думала над не слишком убедительным планом шушу.

Я тоже слабо себе представлял, как мы поедем на поезде. Я вообще слабо себе представлял метро. За всю свою жизнь я был в нем лишь пару раз, и то оба раза грелся в вестибюле, ярком и полном людей. Гревшиеся там же фоци даже поде-

лились со мной сухарями.

Воспоминания прервал скрип, эхом отразившийся от высоких стен. Где-то внизу что-то сдвинулось, что-то тяжелое. Мы замерли. Тишина. Мы настороженно вслушивались в темноту; звук повторился. Потом еще раз и еще. Раздался тяжелый металлический скрежет, будто отодвигалось что-то очень большое, слышались шаги.

– Я посмотрю, – одними губами произнесла Раксакаль, «перекинулась» и быстро сбежала вниз по ступеням.

Мы не смели шелохнуться. Гретта прижала к себе Путьевода и на всякий случай закрыла его рот рукой. Он не сопротивлялся. Только в ужасе смотрел на меня. Я приложил палец к губам, и он едва заметно кивнул.

Раксакаль тем временем достигла долгожданного конца лестницы. Она замерла, принюхиваясь, и тут яркий луч света ударил ей в глаза.

– Вот черт! – Раксакаль невольно прижалась к полу.

Луч исчез, и тяжелая фигура в рыжем присела рядом с ней.

– О, здравствуйте, моя Принцесса, давненько мы с вами не виделись! – произнес старческий голос.

– Дядя Ева? – Раксакаль мигала, пытаясь снова привыкнуть к темноте.

Зашуршала ткань спецовки, и шушу почувствовала запах яблок.

– А я-то по Вас соскучился! Даже угощенье приготовил!

8

Женя терпеливо дожидалась, пока секретарша, клацая наращенными ногтями по столешнице, выяснит, кто может забрать доставленную посылку. Девушка, будто покрытая тонким слоем глянцевого лака от затылка до подбородка, бросала на Женю короткие неодобрительные взгляды. Ведь Женин визит отвлек секретаршу от увлекательного скроллинга инстаграма какой-то светской дивы, похожей на секретаршу как две капли воды.

Старательно игнорируя взгляды секретарши, Женя смотрела в прозрачную стенку бизнес-центра, сквозь которую виднелся скромный проулок с жилыми домами. Прямо в стеклянный бок бизнес-центра смотрела серо-желтая пятиэтажка, покрытая выбоинами, точно ее обстреливали. Одна из тех, что готовили к сносу, – правительство Города уже активно занималось расселением жильцов подобных домов, давая им квартиры в новостройках. Однако, судя по белью, висевшему в растрескавшихся окнах, цветам на подоконниках и спутниковым тарелкам на стенах, никто съезжать из пятиэтажки пока не собирался. Подобных пейзажей хватало и в родном городе Жени – ничего любопытного, но внезапно взгляд выцепил багажник патрульной машины, припаркованной во дворе дома. Судя по отблескам на крыше машины, работала мигалка.

«Что-то случилось».

Знакомое манящее чувство защекотало где-то между ребер – что-то случилось, нужно посмотреть!

К счастью, секретарша повесила трубку и со вздохом протянула Жене подписанный маршрутный лист. Женя выпрыгнула из бизнес-центра, бросила бумаги на заднее сиденье своего «каблука» и поспешила к пятиэтажке.

Полицейская машина стояла вплотную к кем-то заботливо прибранным клумбам. Рядом обнаружилась машина скорой помощи, на которой также молча блестели сигнальные огни. Вокруг – толпа зевак, не одной Жене было интересно, что происходит. У открытой двери подъезда стояло несколько людей в форме, внутри какие-то люди что-то осторожно спускали по лестнице.

– Что случилось? – спросила Женя, особо ни к кому не обращаясь, но уверенная, что услышит ответ.

– Да вот, тело на чердаке нашли! – сообщил старичок в вытянутом спортивном костюме с тремя полосками вдоль голени. – Прямо надо мной лежало. Ну, я на последнем, а тело вон – на чердаке.

– Чье тело? – Органайзер в голове Жени распахнулся на чистой странице, разум принялся делать быстрые пометки.

– Да бомж какой-то, пьянчуга, – не без удовольствия сообщил старичок.

Женю кольнуло дурное предчувствие. И прежде, чем она

успела понять, что делает, она оказалась возле одного из полицейских.

– Скажите, у умершего были с собой документы?

Женя попыталась взглянуть в глаза молодому мужчине в форме, но тот старательно смотрел в сторону.

– Девушка, отойдите, не положено, – сказал полицейский.

Однако слова звучали недостаточно сухо и отстраненно – привычка отвечать «по протоколу» еще не крепко сидела в нем, и Женя это считала. Она выхватила из нагрудного кармана паспорт.

– Пожалуйста, я ищу своего брата, фамилия такая же?

Женя не прогадала: молодой офицер бросил короткий взгляд сначала на паспорт, потом на Женю.

– Тут стойте, – тихо сказал он и исчез в подъезде.

Женя и хотела, и не хотела услышать ответ. Тревога нарастала, Женя поймала себя на том, что заламывает уголки паспорта. Наконец полицейский вышел из подъезда, следом вынесли носилки – люди в толпе зашептались. На носилках лежал черный мешок, в котором легко угадывались очертания человека.

Женя, с трудом оторвав взгляд от мешка, посмотрела на полицейского. Тот только коротко кивнул.

– А мальчик? – вырвалось у Жени. На нее тут же обернулась толпа зевак. – С ним не было маленького мальчика?

Молодой офицер только развел руками.



Смена машиниста Ивана Николаевича подходила к концу. Он гнал пустой состав в депо – метро уже закрывалось. Состав промчал мимо станции, на которой несколько не успевших на последний поезд пассажиров спорили с полицией, и снова нырнул в тоннель. Насквозь виднелась опустевшая линия, освещенная холодными полосами ламп. Светофоры везде горели зеленым, вокруг уже просыпалась ночная жизнь – путейцы и обходчики готовились выйти на осмотр и ремонтные работы. Рыжие жилеты быстрыми пятнами мелькали сквозь сбойки в стенах тоннелей.

В голове Ивана Николаевича крутился утренний разговор с женой. Она всегда вставала вместе с ним, как бы рано ни было, и настаивала на совместном завтраке.

– Представляешь, – говорила жена, завязывая фартук поверх халата, – Толик пить бросил! – Она хлопотала у плиты, и голос чуть заглушал звук скворчавших на сковородке котлет.

– Да ну? – произнес Иван Николаевич, глядя сквозь кухонное окно на улицу.

С шестнадцатого этажа вид на район открывался потрясающий. Солнце еще не встало, горизонт только наливался багровым, едва подсвечивая холодные осенние облака. В соседних домах почти все еще спали – только в паре окон теп-

лился свет.

– А знаешь почему? Не поверишь! Я сама не поверила, когда мне Таня рассказала. Он квасил опять в парке, и тут, говорит, голос велел себя в порядок привести! И знаешь, чей голос? Кошки! Говорит, кошка сказала. Она его сначала за эту историю чуть не поколотила, думала, допился, уже кошки с ним разговаривают! А он возьми и остепенись! Говорит, впечатлило его это сильно. Уж если даже животные мне говорят «бросай», ну как не прислушаться! Жену не слушал, а кошку возьми и послушайся. Но ведь взял себя в руки! На работу выходит исправно, Танечка теперь прямо не нарадуется!

– Дела... – отхлебнул горький чай Иван Николаевич.

Крепкая несладкая заварка бодрила лучше любого кофе.

– Вот-вот! Бывает же, а? Чем черт ни шутит, хоть через глюки свои пьяные, а понял человек наконец что-то в жизни!

Раскрасневшаяся от плиты Анна Капитоновна поставила на стол дымящиеся котлеты рядом с нарезанным белым батоном и красным чайником в белый горошек.

– Я тут подумала, Вань... – жена опустилась на соседний стул.

– Мм? – Иван Николаевич уже наколот на вилку котлету и теперь пытался пристроить ее на кусок хлеба.

– Может, я работать пойду?

Котлета замерла на полпути ко рту.

– Чего это ты вдруг? – удивленно произнес Иван Никола-

евич.

– Ну я подумала: вон у людей как все меняется, а у нас-то все по-старому и по-старому. А жизнь вроде как идет. Я и подумала... Димка-то взрослый уже, сам справляется, тебе я и так стирать-готовить успеваю, ты все на своих сменах... Я б младших детишек нянчить могла! У меня и опыт, и образование педагогическое, я бы в садик пошла или еще куда.

Иван Николаевич не знал, что ответить. Убежал на работу, отложил внезапный разговор, чтобы все как следует обдумать. Весь день было не до того. Но, когда для окончания смены оставалось всего лишь вернуть состав в депо, разговор стал проигрываться в голове машиниста снова и снова, как заезженная пластинка.

Иван Николаевич был человеком старой закалки. Рассудительным, практичным, в его жизни все было распланировано. Как в метро. Он работал, жена обеспечивала домашний уют, сын рос, в идеальном мире – ему на смену. Его зарплаты хватало, чтобы обеспечивать всех троих, в том, чтобы жена тоже работала, не было надобности. Да она и никогда не рвалась. До сегодняшнего дня. Нет, конечно, рассуждал Иван Николаевич, пусть идет, если ей хочется. Но вдруг не справится с нагрузкой? Вдруг кто обидит? Димка-то, само собой, справится, тринадцать лет пацану. Все равно больше на улице пропадает, но если что – и по дому все может, и уроки шатко-валко, с тройки на четверку, но успевает же, а до института...

– Ванечка, проедем, – раздался голос.

Машинист едва не подпрыгнул в кресле – он совсем забыл про старика-электрика, которого согласился подвезти до нужного ему сектора прямо в кабине.

– Что ж вы, дядя Ева, ну... – сказал он, сбавляя ход.

Дядя Ева был легендой их депо. Правда, легендой довольно странной. Проработавший четверть жизни под землей, тихий и улыбочивый дядя Ева был немного не от мира сего. Он относился к метро как к живому организму. Не раз слышали, как он разговаривал с поездами и туннелями, а с одним из обходчиков даже поделился откровением: «Мы все – вроде как молекулы в венах этого огромного существа! Мы держим его в порядке, лечим, очищаем от всякого хлама, а он нас за это любит и исправно помогает миллиону людей каждый день попасть куда им нужно».

Дядя Ева был небольшого роста, крепко сложенный, смуглый, с всегда гладко выбритым круглым лицом. Глубокие морщины залегали вокруг рта и глаз, смотревших немного странно и по-детски любопытно. Когда дядя Ева молчал, его нижняя губа всегда невольно приоткрывалась, обнажая ряды удивительно белых зубов. Поговаривали, что на самом деле старик имеет какое-то отставание в развитии и что в свои шестьдесят мыслит как ребенок. Но это не мешало ему быть отличным работником и добрейшим человеком.

Вообще, дядю Еву звали Евгением Петровичем, но все его ласково звали сначала дядей Женей, а когда узнали про его

необычную привычку носить яблоки в кармане, переименовали в дядю Еву. «Наш дядя Ева!» – звали его и уборщики, и слесари, и диспетчеры, и машинисты. Дядя Ева знал всех поименно и помнил дни рождения каждого. Электрика не обижали и не давали в обиду, а к его безвредным странностям относились снисходительно. Иной раз даже казалось, что без них жизнь в депо была бы ужасно скучной.

И вот дядя Ева ехал в кабине с Иваном Николаевичем, по обыкновению отстраненный и задумчивый, а у его ног стоял большой ящик, который старик втащил с легкостью силача на цирковой арене. На вопрос машиниста о содержимом дядя Ева простодушно пояснил: «Принцесса метро попросила доставить груз». С этими словами он осторожно похлопал по дощатому боку ящика. Странное объяснение было вполне в его духе, про Принцессу метро лично Иван Николаевич слышал уже не в первый раз и даже знал, что так дядя Ева называет крыс. И машинист решил больше ничего не спрашивать.

Пока поезд плавно сбавлял скорость, подъезжая к нужному месту, Иван Николаевич поглядывал на дядю Еву. Попытка представить, о чем думает заслуженный электрик, отвлекла его от собственных беспокойных размышлений.

– Приехали. Дядя Ева, выскочишь?

– Конечно, Ванечка. – Старый электрик всех называл ласковыми именами, к этому в депо тоже давно все привыкли.

Дядя Ева аккуратно водрузил ящик на плечо, перешагнул

из открывшейся торцевой двери на узкую полосу бетона, тянувшуюся между стеной тоннеля и поездом, и улыбнулся машинисту.

– Счастливой дороги, Ванечка!

И заторопился по тоннелю.

– И вам всех благ, дядя Ева, – произнес Иван Николаевич, закрывая дверь.

Электрик дошел до ближайшей сбойки, пропустил поезд Ивана Николаевича и выпустил из ящика двух ворон, крысу и седовласого мальчика.

– Будто в гробу... – кашлянул мальчик, оправляя на голове венок из новогодней гирлянды.

Вороны встревожено прыгали вокруг его ног, озираясь по сторонам, наклоняли головы то направо, то налево, чтобы хотя бы один глаз смог оценить окружающую обстановку.

– Сейчас, мои хорошие, не надо бояться.

Дядя Ева опустил на одно колено, достал из кармана яблоко и перочинный ножик. Легким движением он разрезал фрукт на несколько долек. Мальчик и крыса с удовольствием захрустели угощением, а вот обеспокоенные чем-то вороны даже не взглянули на него.

– Чего это ваши друзья так переживают, Принцесса? – склонившись к крысе, тихо спросил дядя Ева.

– Теневых ждут. – Крыса даже не взглянула на ворон.

– Так нету их тут, – усмехнулся дядя Ева. – Не спускаются они сюда, только незванцы, так и этих сегодня нет. Даже

Теней сегодня не видать! Так только, Мрак балуется.

– Не верят, – продолжая громко хрустеть яблоком, отозвалась крыса.

– Трудно верить, – тихо произнесла одна из ворон. У нее оказался приятный женский голос. – Я кожей чувствую Тьму, даже свет не помогает. Она плотная, вязкая, как грязь на дорогах...

– Это потому, что вы непривыкшие, – бросила крыса.

– И потому, что им тут не место, – раздался еще один голос. Скрипучий, как гнилые половицы.

С рельсов в сбойку заползла еще одна крыса. Большая и явно бывалая – у нее был подрублен хвост, она хромала на заднюю лапу и очень грозно смотрела из-под нависшей на глаза серой шерсти.

– Нечего края в подземелье делать. Пути не для них.

– Бабушка Роза, вообще-то мы тут не на прогулке. – Неожиданно переменявшийся голос Принцессы насторожил ворон больше, чем появление пугающей гостьи. Голос будто сдулся, растеряв всю свою уверенность и самолюбие.

– Да знаю я, знаю... – проскрипела старая крыса, переводя подслеповатые глаза на мальчика. – Карты сказали. Значит, вот ты какой, Путевод...

– Путевод? Это как это? – спросил дядя Ева, разглядывая мальчика, как экспонат в музее.

Старая крыса повернулась к нему.

– А вот это тебе знать не положено, милый. Спасибо за

помощь, мы этого не забудем. Теперь иди, а то тебя хватятся.

Дядя Ева ничуть не обиделся. Он покорно подхватил опустевший ящик и, неловко поклонившись, расплылся в своей детской улыбке.

– До свидания, Принцесса. До свидания, вороны, Бабушка и Путевод, о котором мне знать не положено. До свидания!

И он побрел прочь от сбойки.

– Вход, ведущий в Зеркальный Дом, – дальше по тоннелю. Пойдемте, а то скоро тут будет полно людей.

Я был рад, что мы оказались на Путиях не днем, а ночью, когда для обходчиков включают освещение. Я и думать не хотел о том, как бы я перенес все это путешествие в темноте.

Старая крыса, ловко отобравшая у Раксакаль лидерство, ринулась в тоннель. На ходу она «перекинулась» и перед нами возникла маленькая юркая старушка в многослойной пестрой юбке. Через плечо была перекинута расшитая сумка, доверху набитая вещами. На ее руках и груди мелодично звенели украшения разных видов и размеров. Старушка резко контрастировала с серо-коричневыми стенами тоннелей, с холодным светом ламп. Она бодро неслась вперед, кажется, возраст и хромота ничуть не поубавили ее прыти.

Еще несколько непростительно одинаковых поворотов, после которых я окончательно потерял ориентацию в пространстве, – и старушка остановилась. Перед нами была неприметная дверь, спрятанная в нише между проводов.

– Ну вот, нам сюда.

Смуглые пальцы юркнули в сумку и выудили оттуда уже знакомую мне отмычку. Гретта закатила глаза, но промолчала.

Пока старушка справлялась с замком, я смог поближе разглядеть ее причудливый наряд. И вдруг увидел, что, несмотря на всю яркость, костюм ее все же был под стать месту – подранный, затертый по краям, покрытый таким же пыльным слоем, как все кругом.

– Чего-то ты худой такой, а, Путевод, не кормили тебя, что ли? – проскрипела старуха, отпирая дверь. – Ну да ты не бойся, Бабушка Роза тебе найдет чего пожевать.

С этими словами старуха извлекла из складок юбки пряник. Путевод проглотил «спасибо» вместе с первым жадным куском.

– Так-то лучше. Ну, пошли. Только на порог не наступать – примета дурная.

Старуха подобрала многослойные юбки. Я увидел на ее ногах стоптанные мужские ботинки, сплошь украшенные бисером и бусинами.

– Стой! Кто там?! – раздалось навстречу из темноты, едва Бабушка Роза успела открыть дверь.

– Я это! – тяжело сопя, отозвалась Бабушка Роза, переноса себя в комнату за дверью. – Давай свет включай, чего как Мрак затаился!

В комнате вспыхнула лампа. Мы оказались среди много-

численных ящиков, на которых сидел темноволосый смуглый парнишка. В руках у него были керосиновая лампа и нож.

– Испугали меня, Бабушка Роза! – Нож исчез за поясом красных шаровар, лампа опустилась на один из ящиков.

– Смотри-ка, пугливый какой. Отцу твоему рассказать? Парень обиженно насупился.

– Эти со мной. Заходите там! Передохнем маленько – и пойдем. Тут уже недалеко.

И пока мы пытались разместиться в тесной комнате, Бабушка Роза взгроиздилась на ящик и вынула из сумки расшитую флягу.

– Ты с нами, Бабушка? Может, не стоит? – осторожно спросила Раксакаль.

– Ну да! – отмахнулась та. – А не ровен час Теневые явятся, вас всех кто защищать будет?

Я слабо представлял себе старушку в роли хорошего защитника, но промолчал. В конце концов, шушу когда-то много чего умели...

– Вам точно не сложно? – деликатно спросила Гретта, кажется, разделявшая мои опасения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.